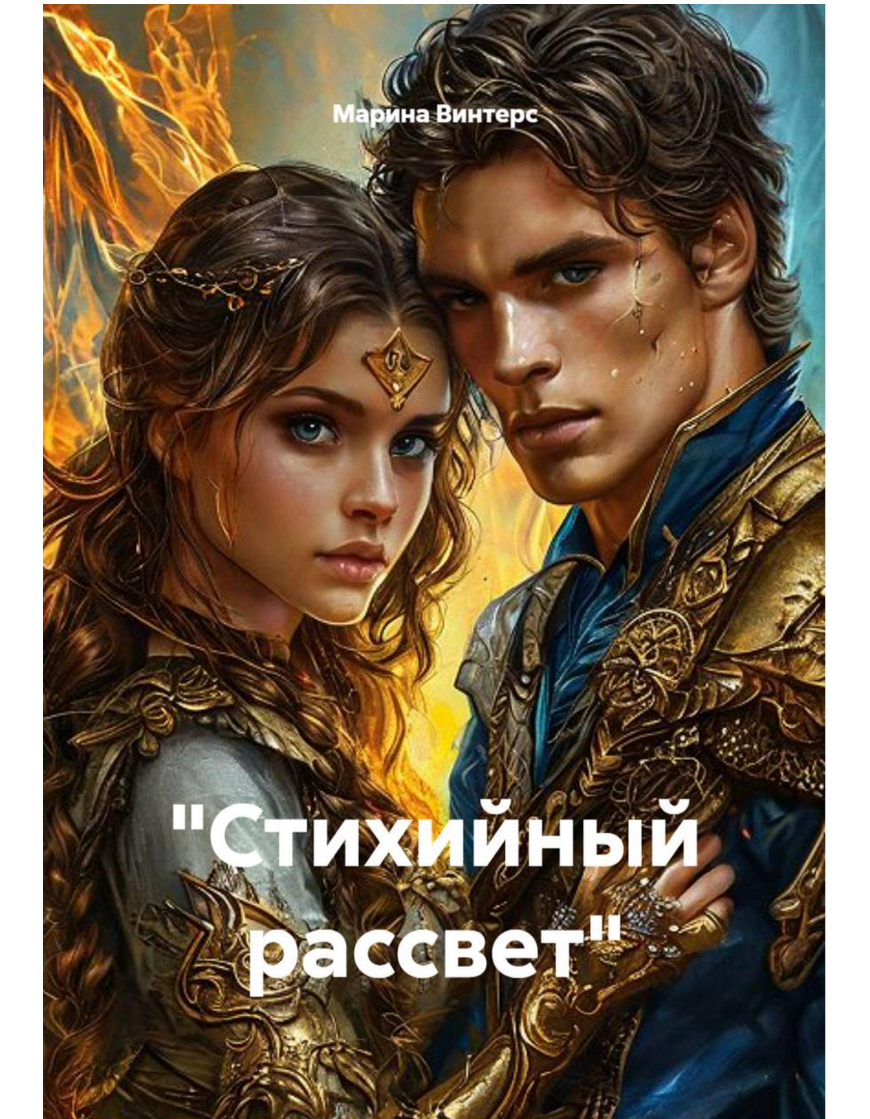

Марина Винтерс

"Стихийный рассвет"

Марина Винтерс

"Стихийный рассвет"

<https://litres.ru/74242117>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двести лет Орден магов правил Владениями Единства, скрывая правду о хранителях стихий и уничтожая каждого, кто мог бросить ему вызов. Но однажды древние тотемы откликаются — и забытая сила возвращается в мир. На тайном празднике встречаются Лиара и Эраен. Она — дочь правителя, заключённая в золотую клетку дворцовых интриг. Он — загадочный юноша без прошлого, в чьих жилах течёт сила, способная изменить судьбу целого мира. Их встреча становится началом не только любви, но и войны. Пока Орден охотится на пробудившихся наследников, Лиара узнаёт страшную правду о гибели матери, а Эраен оказывается связан с тайной древних хранителей. Вместе им предстоит пройти через предательство, плен, битвы и потери, чтобы вернуть четырём пределам свободу. Это история о могуществе стихий и хрупкости человеческого сердца. О тех, кто не побоялся восстать против власти. О любви, способной пережить страх, разлуку и войну. Когда рушатся империи, выживают те, кто продолжает любить и сражаться.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	115

"Стихийный рассвет"

Глава

Глава 1. Владения Единства

Утро в землях Единства начиналось с колокола. Он висел высоко на башне магистрата и звучал так, словно сам воздух был обязан откликаться на его удар. Глухой, тяжелый, властный звон катился над крышами, над рынком, над каменными улицами, над стенами домов и сторожевыми постами, задерживаясь в каждом дворе, в каждом окне, в каждом молчании. Люди поднимали головы на этот звук без радости и без удивления. Так поднимали глаза на привычную силу, которая давно стала частью самого дня. Владения Единства жили по его ритму. Сначала открывались ставни. Потом на улицы выходили торговцы. Потом появлялись стражники. Потом в дверях магистратских канцелярий мелькали серые плащи адептов. Всё двигалось размеренно, выверенно, с холодной точностью. Даже рынок здесь казался частью большого механизма, где у каждого был свой шаг, свой голос, свой допустимый предел.

На каменной доске у площади уже висел новый указ. Белый пергамент, зажатый бронзовыми гвоздями, блестел под

утренним светом, как нож. Рядом стоял чтец магистрата — сухой, прямой, с лицом человека, который давно привык озвучивать чужую волю. Он поднял свиток и начал читать.

— Во имя Единства магов... да будет подтверждён порядок... на всех...

На слове «порядок» ветер резко надвинул ему шляпу на глаза. Чтец не дрогнул. Он лишь чуть приподнял подбородок и продолжил с серьезным видом, будто шляпа была вовсе не помехой.

— На всех подчинённых землях...

Ветер, очевидно, счёл это чрезмерной самоуверенностью и взялся за рясу. Сначала он вежливо приподнял её край. Затем — уже безо всякой вежливости — подхватил подол так, что ткань хлопнула, обвилась вокруг ног чтеца и с уверенной деловитостью потащила его назад. Чтец сделал шаг, чтобы сохранить равновесие. Ряса сделала два шага в противоположную сторону. Чтец сделал ещё один. Ряса, не спрашивая разрешения, решила жить своей жизнью и дёрнула его так, что он развернулся на месте почти полукругом, словно его несло не ветром, а плохо воспитанным танцем. Мальчишка в толпе шепнул:

— Он сейчас упадёт или это у них такой новый чиновничий поклон?

— Нет, — ответил сосед.

— Это, кажется, борьба с ветром по ведомству магистрата.

В этот момент шляпа, до того державшаяся на голове чтеца с упрямством маленького, но важного чиновника, решила, что с неё хватит. Она сдвинулась ещё ниже — теперь поля закрыли ему не только глаза, но и половину носа. Толпа задрожала от подавленного смеха. Чтец, уже слегка раскачиваясь вместе с рясой, всё же выпрямился, торопливо откинул шляпу и уставился в пергамент. Ветер в этот момент не просто шевельнул лист — он загнул его так, что читать дальше стало почти невозможно. Свиток упрямо хлопал, выгибался дугой и явно не желал поддаваться ни голосу, ни власти. Чтец прищурился, наклонился ближе и, будто обращаясь не к людям, а к бумаге, выдавил:

— Нарушение порядка... будет караться...

Он замолчал, потому что следующий порыв окончательно свернул лист почти пополам, а заодно снова приподнял рясу с такой церемониальностью, словно ветер проверял, всё ли у чиновника на месте.

Чтец замер на мгновение, одной рукой придерживая свиток, другой — шляпу, а третьей, если бы она у него была, наверняка — собственное достоинство.

Пауза вышла такой длинной, что кто-то в толпе не выдержал и хмыкнул. Чтец медленно выпрямился, будто ничего не произошло, и тем же бесцветным голосом продолжил читать с первой удобной строки, как человек, которого победили не обстоятельства, а совместные усилия ткани, пергамента и общественного унижения.

— ...виновные будут немедленно... — начал он.

Шляпа в этот момент съехала ему на ухо. Он, не прерывая чтения, машинально вернул её на лоб. Ряса снова дёрнулась. Он поймал подол на лету. Шляпа тут же сползла обратно. Толпа уже не просто слушала — она боролась с собой, чтобы не расхохотаться вслух. А один пожилой торговец, глядя на это представление, негромко сказал соседу:

— Если магистрат велит нам соблюдать порядок, то пусть сначала научит этому свободный ветер.

— Во имя Единства магов, да будет подтвержден порядок на всех подчинённых землях! — наконец торжественно произнес он.

Толпа слушала молча, пытаясь подавить смех, чтобы не привлечь внимания стражников. Слова стекали с площади, как холодная вода. Орден уже двести лет правил этими землями. Двух веков хватило, чтобы победа в Великой войне превратилась в закон, закон — в привычку, привычка — в страх. Маги пришли к власти как победители, и с тех пор жили так, словно весь мир обязан был оправдать их победу. Они называли это сохранением мира. На деле же мир удерживался цепями. Победа стала для них не памятью, а правом. Правом устанавливать границы. Правом переписывать

историю. Правом решать, что можно говорить, что можно петь, что можно хранить в сундуке, а что следует сжечь еще до того, как оно попадет в руки детям. На площади у лавки молодой торговец торопливо прикрыл тканью старый знак на вывеске, когда мимо прошли двое адептов. Один даже не остановился. Другой скользнул взглядом по доске, по лицам людей, по корзинам с хлебом и травами, и сразу стало ясно: он замечает всё. В землях Единства ничего не исчезало из поля зрения Ордена. У ворот рынка два стражника проверяли телеги. У одного в руке был список, у другого — копье. Они смотрели на мешки, коробки, свертки, кувшины, как смотрят на возможную угрозу. Хлеб, шерсть, соль, железо, свечи, ткань — всё могло стать поводом для вопросов. Если вопрос возникал, спор уже считался нарушением.

— Это зачем? — спросил стражник, приподняв крышку ящика с медной посудой.

— Для кухни, господин, — ответил купец. Стражник провел пальцем по краю посуды, оставив на металле полоску пыли.

— На кухнях Единства пользуются утвержденным набором. Купец хотел что-то сказать, но передумал. Глаза его чуть дрогнули, и только пальцы крепче сжали ремень на ящике. Так и жила вся страна: в привычке уступать раньше, чем прозвучит приказ, и в привычке молчать раньше, чем появится страх. В столичном здании магистрата порядок был еще строже. Каменные коридоры тянулись под сводами, где

свет падал узкими полосами, будто даже солнцу здесь отводили место по расписанию. На стенах висели печати Ордена, на дверях — знаки допусков, на лестницах — сторожевые метки. Всё в этих стенах говорило об одном: власть Единства любит точность. Любит учет. Любит, когда всё измерено, распределено и закреплено. И всё же над этой точностью стояла еще одна сила — воля.

Верховный магистр Варден принимал посетителей в большом зале совета. Его кресло находилось на возвышении, и оттуда он выглядел как человек, который не только управляет землей, но и давно привык, что его слово завершает любые споры. Лицо Вардена было спокойным, почти неподвижным. В этой неподвижности чувствовались опыт, власть и бесконечная уверенность в собственном праве. Он говорил мало. Когда же говорил, в зале становилось тише. Рядом стоял Морвен — его правая рука, главная опора в делах Ордена. Если Варден был лицом власти, то Морвен был ее движением. Там, где требовалось давление, появлялся он. Там, где требовалось ускорить решение, появлялся он. Там, где оставалась тень сомнения, он умел сделать её похожей на приговор. Морвен склонился над картой земель, разложенной на длинном столе. На карте были отмечены дороги, посты, переправы, склады, башни наблюдения. Каждый край, каждый проход, каждый участок земли имел свою метку, свой знак, своё место в системе контроля. За окнами магистрата город продолжал жить размеренно и покорно. Звенел утренний металл,

шли по улицам люди, поднималась пыль над дорогой, и над всем этим висел старый холодный порядок, который Орден называл спасением. А в глубине земли, под этими законами, под этими башнями, под этими картами, уже жила память о том, что когда-то владения имели свои границы и свои имена. Варден стоял у длинного стола, склонившись над картой владений. Тонкие линии дорог, темные метки постов, обозначенные переправы, печати дозоров — всё лежало перед ним ровно и покорно, как мир, который давно привык принимать чужую волю. Он поднял взгляд от карты и произнес уже не как мысль, а как новый приказ, отчетливо и холодно, так, чтобы каждое слово стало частью закона.

— Морвен. Усиль надзор в Горном пределе. Адепты сообщают, что в пределах вновь началось шевеление наследников. Подними башни, прижми шахты, проверь перевалы и крепче держи каменные поселения.

Морвен стоял рядом, неподвижный, внимательный, готовый впитать каждое распоряжение, как будто оно уже было исполнено. Варден перевел палец дальше по карте.

— В Морском пределе перекрой гавани. Держи под контролем порты, торговые пути и каждый корабль, что входит в наши воды. Пусть море помнит руку Единства.

Палец скользнул к следующему краю владений.

— В Степном пределе рассечь простор дорогами, поставить новые посты, выжечь старые сборища, заглушить память о свободе в открытом поле.

Последняя линия на карте легла к жарким землям.

— В Вулканическом пределе держать под рукой кузни, крепко сжать ремесленные дома и следить за жаром земли. Ни один очаг древней силы не должен вспыхнуть без нашего ведома.

Он замолчал на миг, глядя на карту так, словно уже видел перед собой не земли, а то, что останется после их окончательного подчинения. И затем добавил — уже тише, но с той же железной уверенностью:

— Стереть границы всех пределов. Стереть их названия. Стереть саму память о них.

Морвен едва заметно склонил голову.

— Будет исполнено, — ответил он. Варден медленно выпрямился.

— Нам нужен только единый порядок, Морвен. Только одна воля. Только одна земля.

Он говорил спокойно, и именно в этом спокойствии чувствовалась сила, с которой спорить уже давно никто не решался. Для него мир существовал лишь до тех пор, пока подчинялся. Всё, что выходило за линию дозволенного, должно было исчезнуть: из карт, из речи, из книги, из памяти, из самой привычки людей жить по-своему. Великая война закончилась двести лет назад. Орден победил. И с тех пор маги строили власть так, будто каждый новый день обязан был подтверждать их право на эту победу. Они убирали старые знаки, меняли названия, устанавливали новые законы, пре-

вращали земли в подчиненные владения, а память — в угрозу. Именно поэтому Единство наводило порядок везде, где только могло дотянуться рукой. На окраинах стояли дозоры. На дорогах — проверки. В библиотеках — новые книги. В книгах — новая история.

В храмах — пустые стены. В семьях — осторожные разговоры вполголоса. Старые имена стирали из памяти, словно их никогда и не существовало. Старые земли называли по-новому. Старые роды превращали в тени. Орден умел работать медленно и терпеливо. Сначала отнимал власть. Потом право на слово. Потом право на воспоминание. А после этого человеку оставалось только жить в мире, который уже давно был построен без него. Именно так маги победили двести лет назад: сначала огнем войны, потом железом закона, потом тишиной контроля. Эта победа дала им всё. И они собирались удержать всё до последней черты. А над столом Вардена карта лежала спокойно, будто уже подчиняясь будущему. Варден снова посмотрел на нее. Его пальцы медленно опустились на край стола.

— Пора, — произнес он, обращаясь к Морвену так, словно за этим словом уже стоял следующий закон.

— Пора прижать каждый предел сильнее.

Морвен ответил без колебания:

— Так и будет.

За окнами магистрата город продолжал жить размеренно и покорно. Звенел утренний металл, шли по улицам люди,

поднималась пыль над дорогой, и над всем этим висел старый холодный порядок, который Орден называл спасением. А в глубине земли, под этими законами, под этими башнями, под этими картами, уже жила память о том, что когда-то владения имели свои границы и свои имена. И именно их Орден собирался стереть первыми.

Глава 2. Горный предел

Горы всегда жили дольше людей. Они встречали рассвет медленно, будто сперва прислушивались к ветру, к тишине в расщелинах, к далекому звону колокольчиков на козьих шеях, к гулу воды под камнем. Здесь утро приходило узкими полосами света, пробиралось между хребтами и ложилось на серые склоны бледным золотом. Тень держалась долго. Ветер шел резко, срывался с уступов, бил в стены домов, в сторожевые башни, в старые каменные ступени, словно проверял каждую постройку на прочность. Горный предел был суров. Здесь дома строили низкими и крепкими. Камень складывали камнем, крышу прижимали тяжелыми плитами, окна делали узкими, чтобы снег и буря входили в дом как можно позже. Внутри всегда пахло дымом, влажной шерстью, сушеными травами и холодным железом. У очагов сидели молча или вполголоса, потому что в горах слишком многое отдавалось эхом. Горы хранили привычку к стойкости. Когда-то здесь жили роды, для которых камень был продолже-

нием крови. Перевалы принадлежали тем, кто умел их держать. Башни стояли ради защиты. Шахты кормили семьи и ковали оружие для своих. Тропы знали имена, а знаки на каменных столбах указывали дорогу не чиновнику, а соседу, гостю, воину, путнику. Потом пришла Великая война. Потом маги подняли над землей свои знаки. Потом двести лет над горами лежала власть Единства — твердой, холодной, терпеливой. Орден умел давить медленно. Сначала — учет. Потом — посты. Потом — печати на руде. Потом — дозоры на перевалах. Потом — новые карты, новые названия, новые правила для старых троп. Из живой земли делали управляемый край. Из памяти — угрозу. Из воли — тишину. Утром у северного склона караул менялся у старой башни. Трое стражников в серых плащах поднялись по каменным ступеням, двое сошли вниз, третий остался на месте и оглядел хребет так, как смотрят на пространство, которое хочется видеть послушным. Ни один из горцев не любил этот взгляд. Он был слишком ровным. Слишком уверенным. Слишком чужим. У подножия башни раскинулось поселение: низкие дома, узкие дворы, сараи для руды и шерсти, небольшая кузня, общий колодец, склад соли и сушеного мяса, тропа к перевалу, старая лестница к верхней площадке. Всё здесь держалось на трудных руках и долгой памяти. Снег, камень, ветер, рудный пепел, древесный дым — вот из чего состоял горный день. В одном из домов, у самого склона, старый Сарем сидел у очага и точил нож. Жест был привычный, почти

ритуальный. Нож блестел тускло, словно сам металл помнил руки, что держали его раньше. Перед ним стоял его старший внук Дорн. Он вырос широкоплечим, крепким, с тяжелым взглядом человека, который рано понял цену порядку, навязанному силой. В нем было то упрямство, которое в горах узнают сразу: если камень давит, он все равно держит форму. Рядом, у стены, возился его младший брат Дайрен. Он был тише Дорна, младше, легче на подъем, но в его движениях уже угадывалась та же порода — горная, выносливая, упругая. Дайрен слушал старших жадно, будто каждое слово о прошлом могло однажды стать для него опорой. Он был из тех, кто сначала смотрит, потом понимает, а потом уже не отступает. Сарем провел ладонью по лезвию и заговорил, не поднимая головы:

— На перевале снова магистратский пост усилили, — Дорн кивнул.

— Видел. Три новых дозорных.

— Три сегодня. Завтра будет шесть, — тихо сказал старик. — Орден любит прижимать по чуть-чуть. Сначала башня. Потом тропа. Потом память. Дайрен повернулся от стены.

— Они ведь и так уже все держат.

Сарем усмехнулся сухо.

— Держат то, что видят. А память держать им труднее.

Эти слова в горных домах звучали чаще всего у очага. Так передавали прошлое — без свитков, без печатей, без писцов. Просто голосом. Просто из уст в уста. Иногда шепотом, ино-

гда с болью, иногда с тихой гордостью. Сарем начал рассказывать, как жил предел до войны. О том, как роды гор шли друг за другом через века. О том, как мастера ковали металл прямо в скальных мастерских. О том, как караваны поднимались к перевалам, а там их встречали свои же люди, свои же знаки, свои же клятвы. О том, как каждая башня стояла не для надзора, а для защиты. Дорн слушал молча. Он знал эти рассказы с детства, однако каждый раз они звучали так, словно старик говорил о живом человеке, которого у них отняли. Горы учили помнить. Орден учил стирать. И в этой борьбе память становилась почти оружием. Снаружи по каменной улице прошел магистратский караул. Тяжелые сапоги глухо отбили шаг по плитам. Двое в серых плащах остановились у колодца, проверили печать на бочке с водой, заглянули в повозку ремесленника, затем двинулись дальше, даже толком ни на кого не взглянув. Для Ордена горный предел был удобен: люди здесь держались настороженно, но молча. А молчание власти всегда устраивает. Сарем на миг замолчал, потом снова заговорил — уже тише, словно слова эти были не рассказом, а чем-то куда более хрупким.

— Раньше на Праздник Единства ходили как на ярмарку. Кто-то ради торговли, кто-то ради новостей, кто-то просто посмотреть на чужие земли. Тогда праздник был их попыткой показать власть, а для людей — редкой возможностью увидеть мир дальше перевала. Дорн чуть заметно поднял глаза. Дайрен замер у стены. Сарем усмехнулся без ра-

дости.

— Теперь, конечно, всё иначе. Теперь они хотят, чтобы люди смотрели только туда, куда укажет Орден.

Он положил нож на колено и провел большим пальцем по рукояти.

— Но именно поэтому праздник и важен. На него съезжаются люди со всех владений. Можно увидеть, как маги держат свои земли. Можно услышать, о чем молчат у нас. Можно понять, где власть уверена, а где она боится. Дайрен тихо спросил:

— А нам позволят туда попасть?

Сарем не ответил сразу. Посмотрел на огонь, на угли, на тень, пляшущую на стене.

— Позволят ли — не то слово, — сказал он наконец.

— Вопрос в том, сможем ли мы попасть туда сами.

Эти слова повисли в доме, как первый снег перед долгой зимой. Дорн ничего не сказал, но в его лице что-то изменилось. Не выражение — скорее внутреннее напряжение, словно где-то глубоко под тяжестью камня проснулась мысль, которой еще не дали имени. Он смотрел на огонь и думал о дорогах за пределами перевалов. О чужих башнях. О площадях, где Орден собирает людей в одно построение. О том, что праздник может стать не просто торжеством магов, а местом, где можно увидеть больше, чем разрешено. Дайрен тоже думал об этом, хоть и молчал. В его тишине уже было ожидание — нетерпеливое, молодое, упрямое. Сарем заметил это сра-

зу. Старики в горах всегда замечают такие вещи. Им не нужно спрашивать напрямую. Достаточно взгляда, паузы, лишнего дыхания у порога. Он откинулся на спинку лавки и сказал почти буднично:

— Только помните: дорога к празднику длиннее, чем кажется. И у каждого, кто решится идти, будет своя цена.

Дорн медленно кивнул.

— Мы знаем.

Но голос его прозвучал так, будто он еще не знал, какой именно будет эта цена. За окном ветер бил в скалы. Где-то высоко над перевалом стоял магистратский пост. Где-то дальше Орден готовил новые приказы. А в каменном доме у очага старик продолжал рассказывать, и каждое его слово ложилось в сердце Дорна и Дайрена, как зерно в темную землю — чтобы потом однажды дать росток. И когда вечер стал густеть, а по стенам поползли длинные тени, в доме впервые за долгое время заговорили не о том, как пережить очередную проверку, а о том, как попасть на Праздник Единства. Тихо. Осторожно. Но уже с надеждой.

Стражники Ордена не любили дежурить в Горном пределе.

В отличие от людей, горы отказывались подчиняться власти, которая лишила их родовых хранителей. Каждое дежурство, каждый обход или проверка здесь заканчивались новой неприятностью.

На этот раз на пост заступали двое молодых стражников. Они сменили своих предшественников, которые торопливо спускались по тропе, то и дело оглядываясь на склон.

— Ну как смена? — спросил один из новичков.

— Сам увидишь, — ответил бывший дозорный с кривой усмешкой.

Солнце уже скрылось за горизонтом, и пост на первый взгляд казался совершенно спокойным.

— Ну и чего им здесь не нравилось? — пробормотал один из стражников.

— Всё нормально, — ответил его напарник.

— Ну гора! Ну камни! Ну что здесь страшного?! — он пнул подножие горы и усмехнулся.

В тот же миг сзади прилетел маленький камешек и легко ударил его по шлему.

— Это ты?! — вскинулся он.

Второй стражник в недоумении лишь пожал плечами.

— Я понял. Значит это ты ! Нам никуда не деться, мы тут обязаны стоять, так что смирись , бестолковая каменная глыба !

Крошка опять немного осыпалась ...

Стражник самодовольно посмотрел на склон и громко произнес:

— Каменная бестолковая глыба!

Камень тут же ударил его снова по шлему. Он зло выругался.

— Вот же зараза! Это что еще за шутки?!

Тут камень снова прилетел и ударил ему по затылку, он отпрыгнул, но второй камень настигнул его снова и третий и следующий.

Тогда он разозлился окончательно и громко закричал:

— Каменная бестолковая зараза!

Сверху посыпались сразу несколько камней. Один звякнул о шлем, другой ударил в плечо, третий больно стукнул по спине.

Второй стражник рассмеялся и спокойно сказал:

— Спокойно, дружище. Спокойно. Нужно просто сохранять взаимное уважение.

С уступа тут же посыпалась мелкая крошка и легла у его сапог.

— Вот видишь. С ней можно договориться.

— С кем ? Договориться.. Я буду с мешком угля договариваться?!!

Сверху посыпались уже целые камни. Они били его по шлему, плечу и спине один за другим, будто гора наконец всерьёз потеряла терпение.

Первый стражник отшатнулся, тяжело задышал и сжал кулаки. От злости у него даже дрогнули плечи.

Второй стражник спокойно заговорил, стараясь его унять:

— Ты же сам видишь: чем громче орёшь, тем хуже выходит. Не распаляйся так, не спорь с ней, просто стой молча. Иногда это лучше всего работает.

Тот нахмурился и посмотрел на склон:

— Неотесанная ты... — прошипел он, уже почти сквозь зубы.

В ту же секунду два камня одновременно ударили его по шлему. Стражник наклонился к склону и едва слышно выдохнул:

— Зараза...

Камень вновь ударил с силой его по шлему

— Видишь? — тихо сказал второй стражник, — надо просто молчать.

Тот побагровел от злости и бессилия. Тихо наклонился к земле, рукой прикрыл рот, и совсем беззвучно прошептал:

— Безмозглая ...

Два камня мгновенно стукнули его по шлему.

— Да угомонись ты! — уже громко на него вскрикнул напарник.

— Дай нам спокойно достоять до утра. А потом после смены делай что хочешь.

Тот буркнул что то себе под нос и заткнулся, оглядываясь по сторонам, гневный блеск и внутренняя злоба наполняло все его тело.

Так они продолжили стоять всю ночь, а гора не упускала ни единого случая скинуть камешек за любое дурное слово о Горном Пределе.

Едваждавшись утра, они торопливо передали пост сменщикам, и на вопрос:

—Как смена? — одновременно ответили:

— Сами увидите.

Отойдя уже довольно далеко от горного поста, первый стражник начал снова ворчать, не переставая и оглядываясь назад, будто замеряя расстояние, услышит ли его гора или нет.

—Ну и ночка! Черт ее возьми!! Это ж надо! — нервно оглянувшись ожидая удара.

Ничего не произошло. Он воспрянул духом, оживился, выпрямил грудь и громко произнес:

—Бестолковая, каменная зараза!! Ха-ха-ха! Зараза!

Он рассмеялся довольный и гордый собой, махая руками и пританцовывая.

Через минуты две он услышал резкий свист за спиной, который быстро усиливался и неминуемо приближался.

Через мгновение крупный булыжник сильно ударил его по шлему. Он упал и потерял сознание.

Глава 3. Морской предел

Море не знало тишины. Даже в самые спокойные часы оно жило своим низким дыханием: катило волну к каменным пирсам, отступало, снова возвращалось, било в борт лодок, шептало под сваями, скрипело канатами, мокрым деревом и чайками, которые кричали над гаванью так, будто

спорили с ветром. Здесь всё находилось в движении — вода, облака, паруса, люди, запах соли, запах рыбы, запах смолы, запах мокрых сетей, развешанных между домами. Морской предел всегда казался шире, чем был на карте. Он раскидывался вдоль берега цепью портовых городков, рыбацких пристаней, складов, верфей и сторожевых башен, вырастающих прямо из скал. Дома здесь строили светлее, чем в горах: с деревянными галереями, открытыми ставнями, плоскими крышами и длинными лестницами, ведущими к воде. Но и здесь, под этой кажущейся легкостью, жили усталость и постоянный надзор. Потому что море любили все. А Орден любил то, что нельзя оставить без присмотра. До Великой войны морской предел был землей открытых путей. Сюда приходили торговцы, моряки, перевозчики соли, рыбаки с дальних отмелей, мастеровые, чьи руки пахли смолой и железом. Здесь знали цену попутному ветру, умели читать облака, угадывать шторм, различать чужой флаг по линии мачты еще до того, как корабль входил в гавань. Теперь на пирсах стояли дозоры. На сторожевых башнях — магистратские знаки. У входа в гавани — списки разрешений. На складах — печати учета. И если прежде море означало дорогу, то теперь оно все чаще означало контроль. Утро в главной гавани начиналось с крика чаек и ударов молотов по судовым доскам. Рабочие с раннего часа разгружали ящики, тянули канаты, закатывали бочки, перебрасывали сети. По мокрой брусчатке шли женщины с корзинами, мальчишки с ведрами, старые

моряки с лицами, выжженными ветром и солью. Всё здесь двигалось быстрее, чем в каменных землях, но не свободнее. На причале стоял старший надсмотрщик магистрата. Он держал в руке список, а другой рукой легко постукивал по крышке ящика, проверяя печать.

— Что внутри? — спросил он, не поднимая взгляда.

— Лесная смола, господин, — ответил купец.

— Документ.

Купец поспешно протянул бумагу. Надсмотрщик прочел ее, затем кивнул и коротко бросил:

— Проходите. Следующий.

И всё это было сказано так обыденно, будто море, люди, товар, дороги и ветры принадлежали не жизни, а только ведомости Ордена. На дальнем пирсе старый рыбак чинил сеть. Он сидел на перевернутом ящике, опустив плечи, и медленно перебирал узлы, будто каждый из них был не просто петлей, а воспоминанием о другом времени. Рядом с ним стояла его внучка — Илиана. Она была моложе других рабочих на пристани, но уже держалась так, как держатся люди, привыкшие к соленой воде и тяжелой работе. Лицо у нее было открытое, с внимательным взглядом, в котором жила не только молодость, но и терпение. Илиана любила море, хотя пока еще только училась понимать его. Старик не поднимал головы, а сеть шуршала в его руках.

— Снова проверяли суда? — спросил он. Илиана кивнула.

— Три раза за утро. И снова переписали груз. Старик

хмыкнул.

— Значит, день у магистрата удачный.

Илиана присела рядом, глядя на воду между сваями.

— Разве им мало того, что они уже все считают?

Старик наконец поднял на нее взгляд.

— Им всегда мало. Орден не умеет жить рядом с чем-то живым, если это живое не стоит у него на цепи.

Илиана ничего не ответила. Только сжала в пальцах край веревки. Старик немного помолчал и снова взялся за сеть.

— Раньше, — сказал он, — море не спрашивало разрешения. Корабль выходил, когда был готов. Возвращался, когда позволяла вода. Люди знали: если берег твой, значит и путь твой.

Илиана слушала внимательно. Такие разговоры были здесь обычны. На берегу старики редко говорили о прошлом вслух при чужих, но в семье, у лодки, у очага, у сети — могли рассказывать долго. Не потому, что надеялись вернуть старое прямо сейчас, а потому, что без памяти море становилось просто водой.

— А теперь, — тихо продолжил старик, — даже ветер у них будто на учете. Илиана усмехнулась, но в усмешке не было веселья.

— И шторма тоже? — Штормы особенно, — ответил старик.

— Штормы они любят называть испытанием порядка. А люди в шторм для них — всего лишь потери, которые нужно

записать.

С этими словами он дернул узел крепче, и сеть натянулась. В гавани тем временем поднимался парус небольшого торгового судна. По борту его шли двое матросов, под ногами у них глухо стучало дерево. На мачте висел знак Единства — аккуратный, выверенный, чужой самой морской соли. Корабль медленно отходил от причала, и вода у борта дрожала, разбиваясь серебром. Орден любил и море тоже — не как стихию, а как дорогу для своей власти. Порты стали глазами магистрата. Гавани — его руками. Верфи — его мастерскими. И если где-то вдалеке исчезал корабль без разрешения, в портовых конторах это уже считалось не романтикой пути, а нарушением порядка. Но у моря были свои законы. И старики об этом помнили. Они рассказывали о временах, когда в глубине бухт зажигали сигнальные огни для своих судов, когда рыбаки знали каждый риф по имени, когда капитан мог спорить с бурей и не проигрывать, если за ним стоял опыт, а не печать. Они говорили о том, как берега были полны легенд, как на мысах ставили камни памяти, как дети в портовых кварталах рано учились различать направление волн. Море сохраняло старые слова дольше, чем люди. Оно гасило следы, но не всегда забывало путь. И потому здесь, на берегу, в тени складов и под скрип мачт, часто звучало одно и то же: Праздник Единства. Для магов это был день торжества, день силы, день, когда владения должны были показать покорность и порядок. Для моряков и портовых жителей —

редкая возможность увидеть, как устроен большой мир за пределами своей гавани. Услышать чужие новости. Увидеть чужие знамена. Понять, что происходит в землях, куда обычно не доходят простые суда. Праздник обещал движение. А морской предел всегда тянулся к движению. Илиана смотрела на воду и думала о том, что однажды хотела бы увидеть столицу во время праздника. Не из любопытства одного — скорее, чтобы понять, как выглядит власть, когда она перестает прятаться за списками и выходит на площади в полном блеске. Старик будто прочитал эту мысль.

— Не думай, что праздник — это просто шум и флаги, — сказал он негромко.

— Там Орден любит показывать не только себя. Там он показывает, кто должен помнить свое место.

Илиана кивнула, не отводя взгляда от воды.

— Значит, нужно увидеть это самому.

Старик усмехнулся краем губ.

— Вот это уже разумное желание.

Ветер тянулся с моря к берегу, дергал веревки, шевелил мокрые сети, и над гаванью медленно поднималось солнце, ослепительное и холодное, как сталь.

На пристани стражник проверял рыбаков с таким видом, будто море должно было заранее подать ему отчёт.

— Открыть корзины, — буркнул он недовольно.

— И побыстрее. У нас тут не весь день на это уйдёт. Ста-

рый рыбак молча приподнял крышку. И в ту же секунду с края пирса взлетела солёная брызга и шлёпнула стражника прямо в лицо. Он моргнул, вытер щёку и раздражённо посмотрел на воду.

— Проклятая сырость...

— Море, — спокойно сказал рыбак.

— Оно у нас так здороваётся.

Стражник шагнул ближе к краю настила, продолжая ворчать:

— Не умничай. Я здесь порядок навожу, — и продолжая вытирать лицо рукавом, продолжил :

— Вот ведь вонючая дрянь!

И тут внезапно ему по спине глухо ударило мокрым ведром, сорвавшимся с края причала. Вода мгновенно хлынула за шиворот.

Стражник резко дёрнулся, потерял равновесие и едва не рухнул на доски. Пошатнувшись, он выставил руку в сторону, чтобы не упасть, и на мгновение застыл перед всеми — мокрый, перекошенный, совершенно жалкий.

Рыбаки замерли, кто-то уже явно давился смехом. Стражник побагровел от ярости и унижения.

— Проклятое море! И край ваш , тоже весь проклятый!!
—громко прикрикнул он на рыбаков.

Одна тяжёлая волна поднялась у пирса, ударила в сваи и с размаху окатила стражника целиком — от сапог до капюшона. Он застыл мокрый, с размокшим свитком в руке, и

долго молчал. На несколько секунд на пристани повисла тишина. Рыбаки за спиной стражников дружно сделали вид, что ничего не происходит. У кого-то дрогнули плечи. Кто-то уставился в небо с таким напряжением, будто там сейчас решалась судьба королевства. Старик тем временем спокойно сложил сеть и, как бы между прочим, заметил:

— Осторожнее. Оно у нас не любит повышенного тона.

Стражник, дрожа от ярости, выхватил свиток, но бумага тут же размокла, расплылась в его руках и превратилась в бесформенный влажный комок. Теперь уже даже младший стражник не выдержал и отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Старший медленно вытер лицо ладонью и устало сказал:

— Записывай... что угодно. Только быстрее.

— А проверка? — осторожно спросил младший. Стражник посмотрел на корзину, на мокрый пирс, на рыбаков и на море, которое продолжало шуметь у их ног с совершенно безмятежным видом.

— Проверка, — процедил он, — состоялась.

Старик кивнул, словно всё это было вполне ожидаемо.

— Вот и славно.

Стражники поспешили уйти с причала, а за их спинами море снова плеснуло в сваи — уже почти ласково, будто провожало. И только тогда старик позволил себе едва заметную улыбку.

Судно у пирса уже уходило в открытые воды. Над баш-

нями стояли дозоры. В конторах магистрата шуршали бумаги. А где-то в глубине портовых кварталов, за шумом волн и криками чаек, в молодых сердцах уже рождалось тихое, но упрямое желание — попасть на Праздник Единства и увидеть мир не только таким, каким его разрешает Орден.

Глава 4. Степной предел

Степь не умела молчать. Даже когда ветер замирал, она все равно жила — в шорохе сухих трав, в редком посвисте сусликов у нор, в далеком перестуке копыт, в дрожащем воздухе над нагретой землей. Здесь горизонт был так широк, что взгляд будто терял опору. Небо стояло высоко и светло, а земля тянулась до края мира ровной, терпеливой, выжженной солнцем полосой. Степной предел всегда был землей движения. Здесь жили кочевые и полукочевые рода, пастухи, всадники, хранители путей, караванщики и те, кто с детства знал, как выстоять под ветром и не потерять дорогу. Дома строили низко, из дерева, камня и глины, но многие по-прежнему предпочитали юрты и разборные жилища, которые можно было увезти вслед за стадом или торговым путем. В степи человек не столько владел землей, сколько умел жить с ней в согласии. Когда-то это был гордый край. Здесь решали не стены, а слово. Не печать, а клятва. Не надзор, а уважение. Здесь помнили старые роды, линии наследования, обычаи гостеприимства, знаки пастбищ и древние

места собраний, где собирались старейшины и главы семей. Потом пришла Великая война. Потом Орден. Потом двести лет степь учили покорности. Сначала маги поставили свои знаки на переправах. Потом ввели учет стад. Потом обязали отмечать переходы через границы пастбищ. Потом назначили стражу у караванных дорог. Потом стали собирать налоги, переписывать семьи, менять старые названия урочищ и родовых стоянок на сухие магистратские обозначения. Из живой степи делали территорию. Из памяти — пережиток. Из свободы — порядок. Утро в степном пределе начиналось рано. Пока солнце только поднималось над равниной, у стоянки уже шумели люди. Женщины разводили огонь, мужчины проверяли сбрую, дети собирали хворост, пастухи выводили лошадей и овец к воде. Над землей стоял сухой запах полыни, дыма, потертой кожи и теплой шерсти. Ветер ходил по лагерю свободно, шевелил ткани на шестах, развеивал конские гривы и уносил в дальние балки обрывки голосов. На холме неподалеку стоял магистратский знак. Серый, ровный, холодный. Он казался чужим среди этой живой равнины, будто вонзили в степь гвоздь и назвали это порядком. Рядом с караванной тропой, у невысокого костра, сидела старшая женщина рода и чинила уздечку. Пальцы у нее были быстрые, твердые, привычные к делу. Перед ней стояла Элейна. Она была старшей наследницей степного предела, и в ее осанке уже чувствовалась будущая ответственность. Она держалась прямо, уверенно, с тем внутренним спокойстви-

ем, которое бывает у тех, кто слишком рано понимает цену рода и долга. В ней было что-то от самой степи — простор, выносливость, скрытая сила и умение не ломаться, даже когда вокруг нет ни одной стены. Элейна смотрела на равнину и молчала. Старшая женщина, не поднимая головы, спросила:

— Опять у переправы стража?

Элейна кивнула.

— Двое новых. И проверяют караваны дольше обычного. Женщина усмехнулась без радости.

— Им всегда кажется, что если посчитать нас достаточно много раз, мы станем послушнее.

Элейна опустила на корточки рядом и провела пальцами по уздечке.

— Они переписывают семьи. И земли. И пастбища.

— Да, — коротко ответила старшая.

— Так Орден делает вид, что владеет тем, чего никогда не понимал.

В степных семьях разговоры были короткими, но тяжелыми. Здесь редко говорили лишнее — не из холодности, а из привычки к точности. Слово должно было быть метким, как стрелка, иначе оно не стоило ничего. Старшая женщина передала Элейне ремешок и добавила:

— Раньше степь жила по памяти. Каждый знал, где вода, где трава, где нельзя тревожить древние курганы, где останавливаются на ночь, а где поют только старики. Предел дер-

жался не на стенах, а на взаимном признании. Элейна слушала внимательно.

— А теперь?

Женщина подняла глаза.

— А теперь они хотят, чтобы у каждого пути был хозяин на бумаге. Чтобы караваны шли только по разрешению. Чтобы старшие просили у магистрата то, что всегда было нашим правом.

Она замолчала и затянула узел сильнее. Над степью протянулся длинный порыв ветра. Трава качнулась волной. Где-то далеко закричал сокол. И на миг Элейна вдруг особенно остро почувствовала, как много в этом крае было памяти — не записанной, не отмеченной, а живой, передаваемой из голоса в голос, из взгляда в взгляд, из руки в руку. Здесь хранили рассказы о старых временах. О том, как роды сходились на великих сборищах. О том, как пастбища делили по чести, а не по приказу. О том, как в бурю кочевники ставили шатры спинами к ветру и не боялись дальнего пути. О том, как старейшины помнили границы без карт. О том, как стук копыт был не шумом, а знаком свободы. Эти истории жили в песнях, в седлах, в узлах, в украшениях на одежде, в седых косах стариков, в обычаях, которые Орден пытался вытравить, но не сумел. Элейна это знала. И чем старше она становилась, тем яснее понимала: степь не сломлена, пока есть те, кто помнит, как она дышала до чужой власти. В стороне от стоянки стража проверяла телегу с зерном. Магистратский

писарь, не отрываясь от свитка, диктовал:

— Название рода. — Переходный лист. — Количество голов скота. — Имена сопровождающих.

Мужчина у телеги отвечал сдержанно, но в голосе у него звенело раздражение. Он слишком хорошо помнил времена, когда никто не спрашивал у степняка, можно ли ему пройти к своему пастбищу. Теперь спрашивали всегда. И редко — вежливо. Старшая женщина посмотрела туда же и тихо сказала:

— Орден боится не мечей. Орден боится того, что люди помнят, кто они были.

Элейна не ответила сразу. Потом сказала:

— Значит, память важнее их списков.

Женщина кивнула.

— Важнее. Но за память всегда приходится платить.

Эти слова легли в тишину между ними тяжело и честно. Чуть дальше, у края стоянки, дети гоняли между юртами пыльный обруч. Кто-то смеялся. Кто-то звал собаку. Кто-то учился стрелять из маленького лука в мишень, вбитую в землю. И в этой обыденной жизни, несмотря на надзор, несмотря на сухие законы магистрата, степь продолжала быть степью. Слишком широкой, чтобы ее можно было загнать в рамки навсегда. По вечерам, когда костры разгорались ярче, старшие часто говорили о Празднике Единства. Для Ордена это был день силы и торжества. День шествий, знамен, речей и демонстрации власти. Для степного предела — ред-

кий шанс увидеть, что происходит за линией привычных дорог. Увидеть другие земли. Услышать новости. Понять, где власть уверена в себе, а где только делает вид. Элейна сидела у костра и слушала разговор старших.

— На праздник съедутся все, — говорил один.

— И магистрат, и знать, и стража, и те, кто скрывает свои мысли под поклоном.

— Значит, там можно увидеть больше, чем здесь, — отвечал другой.

— И понять, кто с кем.

— И кто чего боится.

Старшая женщина взглянула на Элейну.

— Ты тоже хочешь попасть туда.

Это не было вопросом. Элейна не отвела глаз.

— Да.

Тихо. Без вызова. Но твердо.

— Хочу увидеть праздник сама. Не по слухам и не по чужим словам.

Старшая усмехнулась.

— Это правильное желание. Но помни: на празднике Орден любит сиять. А там, где слишком много света, тени становятся глубже. Элейна кивнула. Она смотрела в огонь, но видела уже не костер, а далекие площади, знаки Единства, чужие лица, движение большого мира. И в груди у нее, рядом с гордостью и тревогой, медленно росло то же чувство, которое рождается у всех, кто слишком долго живет под чужой

рукой: желание увидеть больше и однажды выйти за пределы дозволенного. Над степью поднималась ночь. Ветер шевелил траву. Костры тлели у стоянок. Пастухи загоняли скот. А в сердце Элейны уже жило решение — попасть на Праздник Единства и увидеть мир собственными глазами, прежде чем Орден успеет снова назвать степь лишь строкой в своем списке.

Глава 5. Вулканический предел.

Вулканический предел просыпался раньше огня. Сначала под землей начинал идти глухой, едва заметный ток тепла. Потом камень становился горячее на ощупь. Потом из трещин в черной породе поднимался тонкий пар, а над склонами медленно вставал красноватый свет, как будто сама земля вспоминала о своем древнем дыхании. Здесь всё было иным. Не мягким, не спокойным, не щедрым — но живым с той напряженной, опасной жизнью, которую нельзя спутать ни с чем. Черные скалы, застывшие потоки лавы, красноватая пыль на камнях, горячие источники, серные испарения, крепкие дома с тяжелыми стенами и узкими окнами — всё это составляло край, где человек с детства учился не бояться жара, трещин под ногами и того, что земля может однажды заговорить громче людей. Вулканический предел был суров не меньше горного. Но его суровость была другой — не каменной, а огненной. Здесь жили ремесленники, рудокопы,

мастера по металлу, хранители древних кузниц и семьи, чьи имена веками были связаны с огнем, железом и глубинным жаром земли. До войны этот предел считался одним из самых сильных и опасных. Его уважали и побаивались. Отсюда выходили лучшие кузнецы, лучшие литейщики, лучшие мастера по сплавам и закалке. Здесь умели слушать вулкан, как другие слушают ветер или море. Потом пришла Великая война. Потом Орден магов. Потом двести лет, за которые вулканический предел пытались превратить в удобный, послушный, подсчитанный край. Сначала — посты на дорогах. Потом — учет руды. Потом — контроль над кузницами. Потом — списки семей. Потом — запреты на старые ритуалы огня. Потом — магистратские знаки у источников и шахт, словно сама земля нуждалась в разрешении, чтобы дышать. Из живого жара делали ресурс. Из памяти — опасность. Из силы — повинность. Утро в поселении начиналось с шума молотов. Кузня уже работала, когда небо только светлело. У наковальни стояли мастера, подбрасывали уголь, регулировали меха, следили за цветом металла. Воздух пах гарью, раскаленным железом и каменной пылью. По дворам ходили женщины с тяжелыми корзинами, мальчишки носили воду, старики проверяли трещины в стенах и смотрели на склон вулкана так, как смотрят на старого и опасного родственника: с уважением, тревогой и верностью. У входа в главную кузню висел знак магистрата. Серый. Холодный. Чужой. Он не вписывался в это место, как не вписывается нож в откры-

тый огонь: присутствует, но не принадлежит. Рядом с кузней, у низкой стены, сидел старый мастер и правил лезвие кинжала. Перед ним стоял Фарен. Он был старшим наследником вулканического предела — высокий, крепкий, с резкими чертами лица и взглядом человека, в котором рано проснулась внутренняя сила. В нем ощущалась та же природа, что и в самом пределе: напряженная, горячая, способная долго сдерживаться, но если придет время — вспыхнуть с разрушительной мощью. Рядом, чуть в стороне, молча наблюдал его младший брат Файр. Он был еще ребенком, легче, подвижнее, и в нем огонь еще не стал тяжелой мужской силой, а оставался живым, быстрым, почти юным пламенем. Файр смотрел на старших внимательно, с тем жадным вниманием, какое бывает у тех, кто еще не знает всей цены мира, но уже чувствует, что однажды ему придется за него отвечать. Старый мастер не поднимал головы.

— У поста снова проверяли металл? — спросил он.

Фарен коротко кивнул.

— Три повозки. Две задержали. Сказали — не хватает печатей. Старик усмехнулся сквозь сжатые губы.

— Им всегда чего-то не хватает. Сначала печати. Потом прав. Потом самой земли.

Файр нахмурился.

— Разве они могут забрать землю?

Старик наконец поднял взгляд. В нем было столько прожитой жизни, что вопрос мальчика не показался ему наив-

ным — только болезненно знакомым.

— Они уже забрали, — сказал он тихо.

— Просто пока не всякая земля это признала.

Фарен опустил глаза на лезвие, лежавшее у стены. Здесь, в вулканическом пределе, старшие любили говорить о прошлом не как о легенде, а как о чем-то, что еще не исчезло до конца. О родах, которые держали кузни. О склонах, где огонь выходил наружу сам. О древних печах, в которых плавили металл для своих воинов. О клятвах, произнесенных над раскаленным камнем. О том, как знали, когда гора спокойна, а когда сердится. Старый мастер снова провел точилом по кромке и сказал:

— До войны наш предел был кузницей всего края. Огонь здесь не просто жег — он служил. Из него делали оружие, инструменты, украшения, знаки рода. Никто не приходил сюда без уважения.

Файр слушал, не отрываясь.

— А теперь?

— А теперь, — сухо ответил старик,

— Орден решил, что уважение не нужно. Нужен учет.

За окном прошел магистратский караул. Серые плащи, ровный шаг, холодные лица. Они остановились у склада руды, проверили печати, заглянули в ведомость и двинулись дальше, не глядя в сторону людей у кузни. Фарен проводил их взглядом.

— Они думают, что если всё подсчитать, то всё станет их

собственностью.

— Именно так и думают, — сказал старик.

— Но огонь не любит счет. И вулкан тоже.

На дальнем дворе загудели меха. По каменному желобу потекла яркая струя расплавленного металла, и воздух на миг стал еще горячее. Файр сделал шаг вперед, зачарованно глядя на этот свет. Он еще был слишком молод, чтобы полностью понять груз наследия, но уже чувствовал его вес. Вулканический предел передавал своим детям не только имя. Он передавал память о силе, которая была старше любого закона. Фарен, заметив взгляд брата, негромко сказал:

— Не стой слишком близко.

Файр кивнул, но отступил неохотно. Старик усмехнулся.

— Правильно делает. Огонь уважать надо. Но бояться — нельзя.

Эти слова часто звучали в этом крае. Не потому, что люди были безрассудны, а потому что иначе здесь не выживешь. Если бояться вулкана — ты не построишь дом. Если не уважать его — дом не простоит и года. Вечерами в поселении часто собирались у широких очагов, и тогда старшие рассказывали о временах, когда вулканический предел жил свободно. О родовых мастерских, о древних литейных ямах, о сторожах огня, которые знали, когда можно брать жар земли, а когда нельзя тревожить её покой. О праздниках, в которых пламя не было зрелищем, а было знаком силы рода. Фарен слушал такие рассказы всегда особенно внимательно. Он не

говорил об этом вслух, но в нем с каждым годом росло чувство, что пределе не хватает только одного — свободы дышать своим огнем. Не по приказу. Не по списку. Не под чужой печатью. Старик будто почувствовал его мысли.

— Ты смотришь на огонь так, словно ждешь от него ответа, — сказал он.

Фарен не сразу ответил.

— Может, и жду.

— Тогда слушай, — кивнул старик.

— Огонь отвечает не всем. Только тем, кто готов платить.

Файр поднял глаза на старшего брата. У них с Фареном была разная тишина: у Фарена — тяжелая, напряженная, у Файра — более быстрая, юная, но уже полная предчувствия будущего. И все же оба они принадлежали одному дому, одной крови, одной земле, которую Орден пытался сделать покорной. За пределами кузни поднимался дым. Над черными склонами стояли дозоры. Внизу по дороге шли повозки с рудой, отмеченные печатями магистрата. А где-то на горизонте, за границей привычной жизни, уже приближался Праздник Единства. И в этот день вулканический предел, как и другие земли, должен был показать послушание. Должен был отправить своих людей, свои товары, свои знаки. Но для Фарена и Файра этот праздник был не только символом власти Ордена. Это была возможность увидеть мир за пределами

огня. Услышать новости. Понять, где и как можно вернуть утраченные права. И, может быть, однажды выйти из-под чужого надзора не как покорные подданные, а как наследники земли, которая помнит собственный жар. Фарен стоял у кузни и смотрел в сторону дороги. Файр — рядом, чуть ниже, с тем юным вниманием, которое так легко превращается в решимость. И между ними, как между раскаленным металлом и воздухом, уже рождалось одно общее, тихое, опасное желание: попасть на Праздник Единства и увидеть, каким станет мир, если вулканический предел снова заговорит своим голосом.

К полудню у кузнечного двора собрали весь караул. Стражники стояли неровной линией у чёрной стены, с пепельной пылью на сапогах, на плащах, на рукавах и даже в складках поясов. Вулканический предел не знал настоящей чистоты: здесь пыль въедалась в ткань так же надёжно, как жар — в камень. Сколько ни стряхивай, к вечеру всё равно снова станешь серым. Но магистратскому начальнику стражи это показалось личным оскорблением. Он прибыл с инспекцией только вчера — новоназначенный, ещё слишком гладкий, слишком самоуверенный, слишком старательный, чтобы понять простую вещь: в вулканическом пределе громкость не равна власти. Его плащ был вычищен до такого блеска, словно он ехал не в жаркий, пыльный край, а на торжественный приём. Сапоги сверкали. Перчатки были безупречны. Лицо — важное и уже заранее оскорблённое всем

живым вокруг. Он встал перед строем, оглядел подчинённых и тут же поморщился.

— Это что такое? — начал он ледяным тоном.

— Вы так встречаете начальство? Почему все в пепельной пыли? Почему форма выцветшая и в дырках? Вы позорите Орден! Вы не уважаете власть!

Строй молчал. Один стражник незаметно дунул себе на рукав, словно это могло помочь. Другой смотрел строго перед собой, явно надеясь, что провалится в землю. Третий уже еле заметно подрагивал в уголках губ. Начальник стражи, заметив это, распалился ещё сильнее.

— Что смешного? — рявкнул он.

— Я вам говорю о дисциплине! О чести! О порядке! Как можно так выглядеть в этом забытом богом краю? Да вы только его и достойны! Этот... этот пыльный, серый, проклятый, провонявший серой край! Здесь, похоже, все уже забыли, что такое служба!

Он шагнул вдоль строя, размахивая тонкой перчаткой, будто этой перчаткой можно было выправить весь вулканический предел. За спиной у него старый мастер, стоявший у кузни, лениво покрутил в руках клещи и тихо заметил:

— Сейчас отвечать будет.

Файр, стоявший рядом с братом, тут же поднял голову.

— Кто? Он?

— Нет, — сухо ответил мастер.

— Вулкан.

Начальник стражи этого, разумеется, не слышал. Или не захотел слышать.

— Если бы всё зависело от меня, — продолжал он, уже почти крича,

— Я бы навёл здесь порядок за один день! Один! Вы бы ходили ровно, чисто, в новой форме, и никто бы не смел...

Именно в этот момент вулкан, похоже, решил, что выслушивать чушь дальше не обязан. Из дальнего жерла поднялось небольшое облачко тёмного пепла. Оно выглядело почти безобидно — лёгкое, ленивое, невинное, если бы не крошечные огненные искры, мерцающие в нём так, словно кто-то внутри не удержался от насмешки. Облачко поплыло по воздуху. Прямо к начальнику стражи. Тот ещё продолжал говорить, когда пепел мягко осел ему на плечи, на голову, на блестящий воротник. Он замолчал. Моргнул. И, с выражением крайнего недоумения, поднял руку к волосам.

— Что...?

Сначала он начал отряхивать пепел с плеч. Потом — с рукавов. Потом — с груди. Пепельная пыль посыпалась с него серым дождём, а вместе с ней — и крошечные искры, которые мгновенно прожгли в форме десятки мелких дырочек. Начальник этого ещё не понял. Он лишь всё быстрее хлопал себя по одежде, будто мог таким образом вернуть себе достоинство.

— Немедленно прекратить! — выкрикнул он, хотя было совершенно неясно, кому именно он это приказывал. Файр

уже отвернулся, дрожа от смеха. Старый мастер прикрыл рот ладонью. Фарен прищурился так, будто пытался сохранить серьёзность силой воли. Начальник стражи провёл ладонью по голове — и замер. Лицо его стало медленно меняться. Осознание пришло к нему не сразу, а по частям. Сначала он ощутил странную прохладу. Потом — слишком лёгкий воздух. Потом — полнейшую, непоправимую пустоту там, где ещё недавно были волосы. Он медленно убрал руку. На голове не осталось ничего. Совсем. Лишь блестящий, нелепо припорошенный пеплом череп, на котором особенно отчётливо читалась мысль: этого не должно было случиться.

— Нет... — прошептал он.

И тут же, будто надеясь, что всё ещё можно исправить, резко повернулся спиной к строю. Сделал это так быстро, что едва не потерял равновесие. И весь караул увидел главное. На задней части его форменного костюма зияла огромная обугленная дыра — ниже пояса, неровная, чёрная, бесстыдная. Ткань была прожжена насквозь, и теперь начальник стражи стоял перед своими подчинёнными в таком виде, что даже сам вулкан, кажется, мог бы смутиться. На секунду во дворе повисла тишина. Очень короткая. Очень опасная. А потом один из стражников закашлялся. Потом другой тихо хрюкнул. Потом кто-то не выдержал и громко расхохотался. И всё рухнуло. Строй стражников закатился со смеху так, будто их разом освободили от трёхлетнего наказания. Кто-то согнулся пополам, кто-то упёрся руками в колени, кто-то

отвернулся, чтобы не показать лицо, но это уже не помогало — смех тряс их всех, один за другим, без пощады. Файр смеялся так, что у него дрожали плечи.

— Ой... — выдохнул он, пытаясь вдохнуть.

— Ой, он...

— Тише, — не слишком строго сказал Фарен, но сам уже не смотрел на него. Старый мастер, вытирая выступившие слёзы, качал головой и бормотал:

— Вот и приехало начальство. Вежливое. Чистое. Целое.

Один из стражников, задыхаясь от смеха, крикнул:

— Господин начальник, у вас... э-э... видимость устава нарушена! Это вызвало новый взрыв хохота. Начальник стражи в панике схватился за полы плаща, пытаясь прикрыться, но плащ был слишком короткий, а дыра — слишком большой. Он метался на месте, не понимая, что хуже: стоять, бежать или продолжать делать вид, что ничего не произошло.

— Прекратить! — пискнул он уже почти жалобно.

— Немедленно прекратить!

— Так точно! — не унимался кто-то из строя.

— Очень уважаем!

— Со всем почтением!

— По форме и без формы!

Это стало окончательной катастрофой. Начальник стражи сделал шаг назад, потом ещё один, затем резко развернулся и почти бегом бросился к ближайшему зданию, всё время

одной рукой прикрывая дыру, другой — голую голову, а третьей, если бы она у него была, очевидно, самую свою карьеру. Стражники смеялись ему вслед ещё долго. Фарен смотрел на это с таким видом, будто решал, дозволено ли ему улыбнуться. Старый мастер первым не выдержал. — Наконец-то, — сказал он, вытирая слезу.

— Хоть кто-то в Ордене узнал, как здесь на самом деле выглядят. Файр, всё ещё хихикая, спросил:

— А он теперь вернётся? Мастер хмыкнул.

— Вернётся. Такие всегда возвращаются. Только уже тише.

Фарен посмотрел в сторону жерла вулкана. И, несмотря на всё его обычное сдержанное спокойствие, уголок рта у него всё же дрогнул.

— Пожалуй, — сказал он, — вулкан тоже не любит выговоры.

Глава 6. Эраен

Утро в тот день вышло особенно ясным. Свет ложился на дорогу мягко, будто его кто-то осторожно рассыпал по камням и траве. Воздух хранил прохладу ночи, но уже наполнялся теплом, и в этом сочетании было что-то удивительно приятное: свежесть ранних часов, запах сухой земли, тонкая горечь полыни, лёгкое дыхание ветра. Над холмами пе-

рекликались птицы, и их голоса звенели так легко, словно мир только-только открыл глаза. Эраен любил такие утра. В них было ощущение простора, воли и тихой радости пути. Всё вокруг будто само подсказывало: иди дальше, смотри шире, слушай внимательнее. Дорога вилась между светлыми холмами, склоны которых уже тронуло солнце, а у подножия шелестела высокая трава. Где-то сбоку блестела узкая полоска ручья, и вода там ловила первые лучи, превращаясь в серебро. Эраен остановился на миг, прикрыл ладонью глаза и огляделся. Только простор. Только небо. Только ветер, тронувший волосы и плечо. Он улыбнулся самому утру и пошёл дальше. В его шаге всегда чувствовалась спокойная собранность, словно он с детства привык жить в внимании к миру. Люди рядом с ним часто замедлялись, говорили тише, смотрели чуть дольше. В Эраене было что-то, что удерживало взгляд: глубина, тишина, сила, которой хватало даже в простом движении по дороге. Он сам привык считать это частью собственного характера. Слишком тонко он слышал мир. Иногда ветер вдруг менял направление в тот миг, когда он останавливался. Иногда трава у его ладони теплее отвечала на прикосновение. Иногда вода в чаше, оставленной у источника, дрожала от одного его взгляда. Иногда камень под ногами отзывался слабым, коротким гулом, словно древняя земля помнила его шаг. Эраен хранил это в себе. С детства он понял: лишние слова тут только портят всё. Люди быстро устают от того, что выходит за привычные рамки. Им проще

назвать странность молчанием, чем вслушаться в её смысл. Поэтому он научился держать свои ощущения при себе, говорить мало, смотреть внимательно и двигаться так, будто мир для него совершенно обычен. Старый каменный столб на развилке дороги привлёк его взгляд. Когда-то он отмечал путь к дальнему поселению, а теперь стоял покосившийся, с почти стёртыми линиями древнего знака. Эраен коснулся шероховатой поверхности пальцами и ощутил тёплый отклик, будто камень до сих пор хранил память о руках, что поставили его здесь много лет назад. Он задержал ладонь на минуту дольше, чем обычно. Такие мгновения были для него почти радостью. Тихой, внутренней. Как будто мир отвечал ему шёпотом, и этот шёпот знал его имя. С дальнего поворота донёсся резкий звук приближающихся повозок. Эраен поднял голову. По дороге двигался магистратский патруль: трое стражников и писарь в сером плаще. Стальные повозки двигались стремительно, оставляя за собой лишь вихрь пыли над землей, она не касалась земли, видно было, что магия в этих краях добилась прогресса. И вся эта группа казалась частью холодного порядка, который Орден раскинул по землям, словно сеть. Писарь скользнул взглядом по обочине, по камням, по следам на пыли. И на мгновение его глаза задержались на Эраене. Коротко. Слишком внимательно. Патруль проследовал мимо. Повозки слегка задевали каменную крошку, пыль поднималась и тут же оседала, а дорога снова возвращалась к тишине. Эраен проводил их взглядом,

потом поправил ремень сумки и пошёл дальше, чуть медленнее прежнего. Он давно привык к таким взглядам. К тем паузам, в которых люди словно что-то вспоминают. К осторожным вопросам, за которыми всегда пряталась проверка. К вниманию, что тянулось следом, словно тень. Орден любил счёт, порядок и записи. А всё, что выходило за рамки обычного, вызывало у него особый интерес. Эраен знал это и потому старался держаться тише, чем чувствовал внутри. Тропинка вывела его к старой сторожевой хижине. Потемневшие доски, осевшая крыша, заросшая трава вокруг, узкое окно с мутным стеклом — всё здесь дышало забвением. Эраен толкнул дверь и вошёл внутрь, чтобы переждать полуденный жар и немного передохнуть. Внутри пахло пылью, сухим деревом и старой сыростью. На лавке лежал обломок верёвки, на столе стоял фонарь с треснувшим стеклом. В щели между досками просачивался тонкий свет, рисуя на стене полосы. Эраен опустил на лавку, снял сумку с плеча и на мгновение закрыл глаза. Снаружи по-прежнему шумела трава. Ветер двигался по склону легко и свободно. Где-то вдалеке звенели колокольчики на шее у скота. И весь мир вокруг казался таким мирным, что именно в этой тишине особенно ясно ощущалась скрытая глубина времени. Эраен поднял глаза и посмотрел на стену перед собой. Он редко называл себя особенным. Скорее — человеком, в котором слишком много того, что пока ещё ждёт своего часа. Ему было двадцать восемь лет, и за плечами уже лежа-

ла жизнь, слишком длинная для такого возраста. Чужая земля. Тяжёлый дом. Ранние дороги. Люди, которые не умели быть мягкими, и те редкие встречи, в которых встречалась доброта, как свет между тучами. С самого детства он привык жить на краю: где вещи приходится беречь, хлеб — делить на завтра, а надежду — не терять, даже когда вокруг только пыль и даль. Он вырос у чужих людей. Так случилось слишком рано, чтобы помнить начало, и слишком жёстко, чтобы забыть последствия. Иногда в памяти всплывали отдельные обрывки — грубые руки, резкий голос, холодный порог, запах сырого дерева, ночи, когда хотелось только одного: чтобы утро пришло быстрее. Детские годы у него были не похожи на тёплое укрытие. Там быстро стало ясно: ласка — редкость, а справедливость — слово из чужих разговоров. Эраен учился жить так, как учатся выживать те, кого никто не собирается беречь. Он стал скитальцем рано. Сначала — от нужды. Потом — по привычке. Потом — потому что путь оказался единственным способом искать что-то своё в мире, который почти ничего ему не объяснял. С тех пор он шёл через разные земли, запоминал чужие дороги, прислушивался к людским разговорам, собирал слухи, как собирают крупы из сухого песка. Иногда он задерживался в деревнях, иногда в дорожных харчевнях, иногда у случайных костров. Порой попадались люди, способные на короткую доброту; порой — такие, с кем лучше было не задерживаться дольше одного дня. Всё это медленно склады-

валось в его жизнь, как длинная цепь шагов, и каждый новый участок пути всё сильнее подталкивал к одному вопросу: кто он и где его место? Ответа пока не было. Было только чувство, что однажды он узнает. И это чувство жило в нём упрямо, почти спокойно, как горящий в тёмной комнате уголёк. Эраен поднялся с лавки, вышел из хижины и снова оказался под открытым небом. Солнце уже поднялось выше, и дорога впереди легла в светлой пыли, тонкой и почти сияющей. Ветер скользнул по склону, качнул траву, коснулся лица, и на миг мир показался особенно ясным — широким, спокойным, полным движения и далёких обещаний. Он пошёл дальше. Чем выше поднималась тропа, тем шире раскрывался вид. Холмы становились ниже, воздух — суше, а небо — огромнее. Слева тянулись каменистые уступы, справа поднимался луг, где трава доходила почти до пояса. Вдоль дороги попадались маленькие обелиски и старые дорожные камни с вытертыми знаками. Где-то внизу блестел ручей, и его тонкий голос ещё долго слышался за спиной. Эраен смотрел на всё это с тем особым вниманием, которое бывает у людей, привыкших идти без лишней опоры. Каждая земля говорила с ним по-своему. Горы — строго и медленно. Степь — широко и свободно. Леса — шорохом и тайной. Побережье — солёным ветром и бесконечной линией воды. Он многое видел за свои годы, и потому умел замечать, как меняется характер края по цвету травы, по форме домов, по тому, как люди здешних мест открывают дверь, как держат чашу,

как смотрят на дорогу. Этот край был иным. Здесь всё казалось более собранным, более тёплым, но в этом тепле чувствовалась и осторожность. Люди жили под тяжестью привычного надзора, и в каждом дворе, в каждом разговоре угадывалась память о том, что раньше всё было иначе. Эраен шагал и думал об этом. О том, как земля меняется под чужой властью. О том, как долго помнят дороги, если им не дают забыть. О том, как легко людям приходится учиться жить так, будто контроль — это обычное состояние мира. О том, как тонко в таких местах прячется жажда праздника, свободы, общего сбора, когда можно хоть ненадолго почувствовать себя частью чего-то большего. К полудню он добрался до небольшого перевала, где дорога расширялась, а рядом стояло несколько камней, защищавших путников от ветра. Там уже отдыхали двое местных торговцев с выючной лошадью. Эраен остановился в стороне, снял сумку и сел на камень, чтобы дать ногам передохнуть. Торговцы переговаривались негромко, и ветер доносил до него обрывки слов.

— ...к Празднику Единства, говорят, уже начали съезжаться люди... — ...да, и стражи теперь больше, чем обычно... — ...зато будет, на что посмотреть. В прошлый раз привезли товары с самого юга... Эраен чуть повернул голову. Праздник Единства. Слова коснулись его слуха легко, но остались внутри дольше, чем другие. Он слышал о нём и раньше: ярмарки, шествия, общие собрания, гости из разных пределов, музыка, рассказы, ремесленные ряды, слухи и

новости, которые разносятся быстрее ветра. Для многих это был просто праздник. Для него — ещё и возможность увидеть больше, уйти дальше от привычного маршрута, попасть в место, где дороги сходятся и мир на миг становится шире. Торговцы продолжали говорить, и один из них, заметив его интерес, кивнул в сторону дороги:

— Если идёшь к столичному тракту, то поспеши. Народ уже тянется туда. На празднике будет шумно, да и место хорошее нужно занимать заранее. Эраен ответил коротким благодарным кивком.

Торговцы решили тоже остановиться на привал у дороги, выбрав место, где ветер был тише, а камни у обочины образовывали удобный, чуть вытоптанный круг. Сюда, судя по всему, уже не раз сворачивали путники: трава была примята, рядом темнело кострище, а у самого края росло несколько редких кустов, спасавших от солнца и чужих взглядов. Путники сразу принялись за дело. Лошадей освободили от поклажи, сняли ремни, ослабили упряжь. Те, почувствовав, что тяжесть наконец ушла, шумно переступили ногами и опустили головы к воде, которую торговцы принесли в кожаных вёдрах. Одну лошадь даже пришлось слегка подтолкнуть, потому что она никак не хотела отрывать морду от свежей травы у края дороги. Торговцы устроились рядом, кто на камне, кто прямо на земле, разложив нехитрый обед на куске ткани. Среди них особенно выделялся один — малень-

кий ростом, очень круглый, с добродушным лицом и таким видом, будто он любил жизнь в первую очередь за возможность поест. Он был из тех людей, у которых и движение, и улыбка, и даже вздох словно происходили чуть сытнее, чем у остальных. На рынок к Празднику Единства он вёз много товара, и среди прочего — несколько клеток из прутьев, в которых теснились молодые курицы. Курицы были круглые, румяные, крепкие, шумные и очень живые. Одна из них — самая любопытная — с самого утра доставляла ему хлопоты. Стоило торговцу отвлечься, как она тут же находила щель, вылезала наружу и с важным видом отправлялась исследовать всё вокруг: камни, траву, сапоги, верёвки, тень от телеги. Торговец уже ловил её в пути несколько раз, возвращал в клетку и каждый раз тяжело вздыхал, будто имел дело не с птицей, а с упрямым и крайне неблагодарным родственником. Вот и теперь, едва он наконец сел поудобнее, раскрыл дорожную сумку и достал лепёшку, день словно решил проверить его терпение ещё раз. Он разломил хлеб, щедро намазал его сыром, посыпал приправой, положил сверху ароматные полоски вяленого мяса и довольно прищурился. Вид у него был такой, будто весь путь, все ухабы и вся усталость наконец оправдались ради этого момента. Он уже почти поднёс лепёшку ко рту. И тут сбоку шевельнулась клетка. Торговец замер. Из щели между прутьями сначала показался любопытный клюв, потом блестящий глаз, а следом — и вся курица целиком, ловко и проворно выбравшаяся на свободу.

Она прыгнула на землю, встряхнула перья и, не тратя ни секунды на сомнения, важно зашагала прочь, словно именно так и было задумано с самого начала. Торговец с ужасом проводил её взглядом. Лепёшка так и осталась в его руке. Потом он медленно положил её обратно на ткань, тяжело поднялся и поспешил за беглянкой, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу. Курица успела уйти недалеко, но уже вела себя так, будто впереди её ждало великое открытие. Торговец нагнал её почти у самого куста, осторожно наклонился, попытался схватить — и промахнулся. Птица юркнула в сторону. Он сунулся следом, задел коленом камень, взмахнул руками, снова нагнулся — и наконец, после короткой, неловкой возни, всё-таки подхватил её под крыльями.

— Ну ты и беда... — пробормотал он, задыхаясь.

Курица возмущённо дёрнула ногами, но уже через миг снова сидела в клетке. Торговец торопливо закрепил прутья, вытер ладонью лоб и с видом человека, пережившего небольшую, но крайне унижительную войну, вернулся к своему месту. Он сел. Потянулся к лепёшке. Откусил наконец первый большой кусок. И в этот самый миг клетка снова тихо дрогнула. Торговец медленно опустил глаза. Курица уже снова выбралась наружу и, пригнувшись, быстро семенила прочь — на этот раз с ещё более деловым и уверенным видом, будто воспользовалась его отвлечённостью вполне заслуженно. Торговец, не отрываясь от еды, посмотрел ей вслед. Потом резко вскочил. Но в спешке наступил на край расте-

ленной ткани, потерял равновесие, неловко взмахнул руками и со всего размаху рухнул в дорожную пыль. На миг всё вокруг замерло. Торговец лежал, распластавшись на земле, весь в пыли, усталый, злой и совершенно уничтоженный этой маленькой куриной тиранией. Лепёшка отлетела в сторону и теперь лежала рядом с ним, присыпанная мелкой серой крошкой дороги. Курица же, свободная, довольная и донельзя важная, прошла неподалёку несколько шагов, огляделась вокруг и вдруг словно впервые по-настоящему заметила, где оказалась. Широкая дорога. Кусты. Камни. Тень. Далеко — ветер, пустота и слишком много пространства. Курица остановилась. Повернула голову. Ещё раз огляделась. И, похоже, очень быстро поняла, что свобода — это не только простор, но и опасность. За каждым кустом могло что-то скрываться, а за каждым камнем — случиться нечто куда менее приятное, чем клетка и привычное ворчание. Она недолго размышляла. Потом развернулась и почти бегом поспешила обратно. Торговец, всё ещё лежавший в пыли, приподнял голову и увидел, как курица, уже куда менее гордая и куда более осторожная, торопливо возвращается к нему, словно передумала спорить с судьбой. Он посмотрел на неё, потом на свою лепёшку, потом снова на курицу. И только после этого тяжело сел, сплюнул пыль в сторону и хрипло, без всякой злости, пробормотал:

— Ну вот и умница...

После чего он вздохнул и наконец, доел свой хлеб.

Когда они поднялись и двинулись дальше, он ещё какое-то время сидел на камне, глядя на склон и дальнюю полосу дороги. Внизу переливалась трава, а над ней медленно плыло море тепла. День был тихим, ровным, наполненным тем спокойствием, которое особенно ценишь после долгого пути. Эраен откинулся назад, опёрся руками о камень и на мгновение просто слушал. Шум травы. Слабый гул насекомых. Шорох сумки рядом. Далёкие голоса, почти растворённые в воздухе. Собственное дыхание. Он любил такие остановки. В них было что-то честное. Путь, как он знал, всегда состоит не только из движения. В нём есть привалы, в которых дорога раскрывается особенно ясно. Тогда замечаешь всё то, что ускользает в шаге: неровность камня, запах пыли, оттенок неба, старую трещину в дороге, форму тени под кустом. И ещё — мысли. Те самые, что приходят именно в тишине и остаются, когда снова встаёшь и идёшь дальше. Эраен сидел и думал о том, сколько земель уже прошло перед его глазами. О том, как в одних местах люди жили за высокими стенами, а в других — под открытым небом. О том, как где-то дома строили из светлого камня, а где-то — из тёмного дерева. О том, как в одном краю приветствие звучало почти как молитва, а в другом — как простой кивок, быстрый и сдержанный. О том, как каждый предел держался за свою память, даже когда сверху всё старались сделать единым и удобным для власти. Эти сравнения приходили к нему са-

ми, без усилия. Он привык собирать жизнь по деталям: по лицам, по дорогам, по запахам, по звуку шагов в пыли. И, может быть, именно это делало его таким внимательным к миру — привычка замечать, пока можно, запоминать, пока не ушло, хранить в себе то, что потом поможет понять больше. Солнце клонилось к западу, когда Эраен снова поднялся. Он стряхнул с одежды пыль, поправил ремень сумки и взглянул туда, где дорога уходила за следующий холм. Ветер был уже мягче, воздух — теплее, а в траве проступал вечерний золотистый оттенок. Всё вокруг готовилось к смене света, и в этом спокойном движении было что-то почти утешающее. Он шагнул вперёд. Дорога снова приняла его без лишних слов. Путь продолжался — светлый, тёплый, ровный, полный земли, ветра, памяти и тихих вопросов, которые ещё долго будут идти рядом. Эраен шёл по нему, как шёл всегда: внимательно, упорно, с внутренней верой в то, что однажды дорога приведёт его туда, где станет яснее и собственная жизнь, и те тонкие следы прошлого, что всё ещё зовут его вперёд. А где-то впереди уже ждал Праздник Единства. И, возможно, именно туда приведёт его следующая тропа.

Глава 7. Лиара

Утро в замке всегда начиналось раньше, чем хотелось бы. Свет ещё только бледнел за высокими окнами, а в коридорах уже звучали шаги, короткие распоряжения, звон клю-

чей, приглушённый шелест ткани. Камень стен долго хранил ночную прохладу, и потому даже в солнечные дни внутри оставалось ощущение сдержанной свежести, будто сам замок предпочитал тишину всему живому шуму. Лиара проснулась задолго до того, как ей велели вставать. Она лежала с открытыми глазами и слушала, как за дверью проходит ранняя смена слуг, как где-то ниже, во внутреннем дворе, распахи-вают тяжёлые створки, как стража меняет караул. Эти звуки были ей знакомы с детства. Они составляли саму жизнь замка — упорядоченную, строгую, безошибочную в своей привычности. Снаружи замок выглядел величественно. Высокие башни, светлый камень, резные галереи, узкие арки, тяжёлые знамёна в окнах, ровный строй двора, блеск металла на солнце. Всё здесь говорило о силе, порядке и власти. Каждый, кто входил сюда, видел богатство, уверенность, выверенность каждой линии, каждого движения, каждой улыбки. Лиара выросла среди этой красоты. Недавно ей исполнилось семнадцать и всё же с годами она всё яснее чувствовала, что красота может держать крепче цепи. Она поднялась, подошла к окну и отодвинула тяжёлую штору. Во внутреннем дворе уже двигались люди. Два стражника пересекли мостовую. Слуга с ведром воды торопливо шёл к боковому крылу. У дальней стены кто-то чистил стальные повозки от грязи и пыли. В самом центре двора, под каменным гербом, стояли четверо магов в тёмных одеждах и о чём-то негромко говорили, склоняясь друг к другу так, будто даже воздух вокруг

мог донести лишнее слово. Лиара задержала взгляд на них чуть дольше, чем следовало. В замке всегда кто-то следил за кем-то. Это чувствовалось во всём: в обороте фраз, в том, как входили без стука, в том, как в коридорах замолкали голоса при появлении старших, в том, как быстро менялось выражение лиц, стоило услышать шаги её отца. Главный магистр был человеком, чьё присутствие меняло сам воздух. Когда он входил в зал, разговоры выстраивались в порядок. Когда он произносил имя, даже самые уверенные склоняли головы. В его голосе было столько холодного спокойствия, что рядом с ним многие начинали говорить тише, а некоторые и вовсе предпочитали молчать. Для Лиары он был отцом. И вместе с тем — человеком, от которого в ней всегда оставалось слишком много настороженности. Она знала его распорядок, знала его молчания, знала, как он смотрит, когда что-то идёт не по его замыслу. Она давно научилась угадывать по одному движению руки, будет ли сегодня короткий приказ, долгий разговор или тяжёлое недовольство, которое потом ещё долго будет стоять в стенах. Сегодня в замке царила особая суета. Подготовка к Празднику Единства давно уже захватила весь двор и все коридоры. С раннего утра сюда приносили свёртки ткани, ящики с украшениями, свечи, ленты, посуду, документы, списки, распоряжения. По галереям ходили посыльные. В больших залах ставили скамьи и проверяли настилы. На кухнях пахло специями, хлебом и горячим мясом. Даже воздух казался наполненным ожида-

нием, хотя праздник был ещё впереди. Лиара стояла у окна и смотрела на это движение с тем странным чувством, которое всегда приходило перед шумными событиями. Снаружи всё выглядело торжественно. Внутри — тревожно. Ей предстояло выйти к людям, улыбаться, следовать нужным правилам, держаться рядом с отцом, отвечать на приветствия, принимать поклоны и наблюдать за тем, как весь замок готовится показывать миру свою силу и своё единство. С каждым годом она знала это всё лучше. И с каждым годом всё сильнее хотелось отойти в сторону хотя бы на один шаг, хотя бы на один вдох, хотя бы на миг без чужого взгляда за плечом. Она отошла от окна, подошла к столу и коснулась пальцами тонкой стопки тканей, приготовленных для сегодняшнего дня. Платье было уже выбрано. Тяжёлое, светлое, с узором по краю. Подходящее. Одобренное. Безопасное. Лиара села, позволила служанке распустить ей волосы и на мгновение прикрыла глаза. Расчёска скользила по прядям мягко и ровно, и этот привычный жест всегда вызывал у неё почти детскую тоску по свободе — такой простой, какой она уже давно почти не знала. Свобода в её жизни существовала в мелочах: в коротком взгляде в окно, в минуте молчания без свидетелей, в случайной прогулке по дальней галерее, где её реже замечали, в нескольких шагах между двумя распоряжениями. Служанка что-то сказала о ткани, о ленте, о брошах. Лиара кивнула, почти не слушая. Её мысли давно уже были не здесь. Они всё чаще уходили к Празднику Единства. Ту-

да, где собирались представители пределов, куда стекались слухи, где можно было увидеть людей, не похожих на тех, что каждый день окружали её в замке. В этих мыслях было и любопытство, и тревога. Праздник обещал быть большим, шумным, полным гостей, музыки, ярмарки, разговоров и показного мира, который всегда старается выглядеть крепче, чем есть на самом деле. Лиара знала: там будет много тех, кого её отец будет наблюдать особенно внимательно. И ещё больше тех, кого он предпочёл бы держать подальше от собственных глаз. Когда она была младше, ей казалось, что власть — это просто привычка взрослых командовать. Потом она начала замечать больше. Как меняются лица магов при упоминании далёких родов. Как напрягаются стражники, когда кто-то говорит о старых семьях. Как отец сам иногда замолкает на полуслове, если речь заходит о землях, где память ещё не вытравлена до конца. Как тщательно он следит, чтобы в замке не звучало лишнего. С годами Лиара всё яснее понимала: за этой сдержанностью скрывается страх. Страх, который прячут под словом «порядок». Страх, который называют «необходимостью». Страх, который каждый день одевают в мантии, знаки, печати и правила. И именно это знание делало её жизнь такой тесной. После полудня её позвали в главный зал. Там уже собралось несколько магов, двое советников и старший распорядитель. На длинном столе лежали свитки, схемы двора, списки прибывающих, записи о порядке встречи гостей. Лиара вошла тихо, как её учи-

ли, и сразу почувствовала, как взгляды на миг коснулись её лица, плеч, осанки, как будто каждый в зале проверял, всё ли в ней соответствует нужному образу. Отец сидел во главе стола. Он поднял глаза. Лиара склонила голову.

— Ты задержалась, — сказал он спокойно.

В его голосе не было громкости. Именно поэтому он звучал так тяжело.

— Служанка дольше обычного готовила платье, — ответила Лиара.

— К празднику всё должно быть готово заранее.

— Я знаю.

Короткая пауза повисла над столом. Отец скользнул взглядом по её лицу и перевёл глаза на бумаги.

— Завтра ты будешь рядом со мной на приёме.

— Он произнёс это так, будто говорил о расстановке мебели.

— Тебе следует запомнить имена прибывающих семей. И держаться без лишних разговоров.

Лиара спокойно опустила взгляд.

— Да, отец.

Советник рядом с ним заговорил о порядке прибытия, о проверках, о закрытых переходах и ночных постах. Лиара слушала вполуха, чувствуя, как внутри поднимается знакомое, давящее ощущение. Всё здесь было правильно устроено, всё подчинялось одному разуму, одному решению, одной воле. И всё же именно в этой правильности ей всегда

становилось теснее всего. Когда собрание закончилось, и все разошлись, она на минутку задержалась, глядя на отца, предполагая, что может быть стоить поговорить с ним, но быстро отмела эту мысль, понимая, что контроль и ограничения только усилятся.

Лиара ещё стояла на пороге кабинета, пока стражник у стены неувовимо переменил стойку, когда за дверью послышались быстрые, чуть запыхавшиеся шаги. Сначала — один неловкий стук. Потом ещё один, будто кто-то пытался не просто войти, а одновременно удержать что-то в руках, не споткнуться и не задеть половину коридора. Дверь приоткрылась.

— Простите, господин магистр, — раздался напряжённый голос,

— я... я только на миг...

В кабинет буквально втиснулась новая служанка кухни — крупная, моложавая, пышная женщина с круглым лицом, румяными щеками и таким живым, взволнованным видом, будто она всегда появлялась на шаг быстрее собственного здравого смысла. На ней был чистый фартук, немного перекошенный от спешки, а в руках — поднос с высоким бокалом и маленькой фарфоровой чашкой, дрожавшими так осторожно, словно от них зависела судьба всего замка. Она сделала ещё один шаг, попыталась поклониться, и поднос тут же опасно качнулся. Лиара невольно замерла. Служанка то-

же замерла. Потом, не сводя глаз с подноса, она очень медленно выровняла руки, выпрямилась, попыталась принять достойный вид и только после этого облегчённо выдохнула. Магистр даже не поднял головы от бумаг.

— Его светлости отвар... — быстро сказала она.

— И ещё вода. Он... он сегодня не просил, но я подумала... что, может быть, будет кстати.

При этих словах она почему-то покраснела и тут же уставилась в пол, словно сказала нечто слишком дерзкое. Лиара чуть заметно подняла бровь. Новая же гостья уже спохватилась и добавила:

— То есть, если не кстати, то я... я, конечно, унесу. Я просто... чтобы всё было вовремя. И аккуратно. Очень аккуратно.

Слово «аккуратно» она произнесла с таким усилием, будто повторяла клятву. Лиара посмотрела на неё внимательно. Женщина была явно из тех, кто всю жизнь двигался чуть быстрее, чем позволяла мебель вокруг. В её походке чувствовалась постоянная готовность что-нибудь задеть, уронить или случайно перевернуть, и при этом — странная, трогательная уверенность, что она всё равно справится. В её взгляде было что-то почти комически серьёзное: полное, непоколебимое убеждение, что именно сейчас она должна произвести достойное впечатление. И, кажется, она действительно старалась. Слишком сильно. Служанка поставила поднос на столик у стены, но сделала это с такой осто-

рожностью, будто ставила не чашку, а священную реликвию. Затем, словно вспомнив, что ещё не сказала самого важного, вдруг выпрямилась и торопливо добавила:

— Я сама всё приготовила. Лично проверила. Никакой горечи. И без лишнего... э-э... дыма.

Последнее слово она произнесла уже почти шёпотом. Лиара чуть повернула голову.

— Без дыма? — спокойно уточнила она.

Служанка испуганно моргнула, потом всплеснула руками, и только чудом не задела локтем край стола.

— Не от напитка, госпожа! От... от кухни. То есть... там у нас иногда... но сегодня всё хорошо! Очень хорошо!

Она выдала это с таким отчаянием, будто вся кухня держалась исключительно на её личной честности. Лиара невольно почувствовала, как уголок губ дрогнул. Служанка это заметила и тут же окончательно смутилась.

— Простите, — выдохнула она и быстро добавила, уже совсем тихо:

— Я просто хотела, чтобы его светлость... не подумал, будто о нём забыли.

Последние слова она произнесла почти с благоговейной скорбью. Магистр, до того молчавший, наконец отложил перо и медленно поднял взгляд. Служанка застыла. И в этот миг стало видно, что она пришла сюда не только с отваром. Она пришла ещё и с надеждой. Она стояла слишком прямо, слишком старательно держала плечи, слишком бережно ка-

салась пальцами края фартука, а потом, словно спохватившись, быстро поправила глубокий вырез на груди — не грубо, не вульгарно, а с такой суетливой естественностью, будто это было сделано совершенно случайно. Только от этого всё выглядело ещё заметнее. Лиара посмотрела на неё внимательнее. Женщина была явно из тех, кто всю жизнь двигался чуть быстрее, чем позволяла мебель вокруг. В её походке чувствовалась постоянная готовность что-нибудь задеть, уронить или случайно перевернуть, и при этом — странная, трогательная уверенность, что она всё равно справится. В её взгляде было что-то почти комически серьёзное: полное, непоколебимое убеждение, что именно сейчас она должна произвести достойное впечатление. И, кажется, она действительно старалась. Слишком сильно. Служанка снова поставила поднос — на этот раз уже слишком близко к столу магистра. Потом, будто только теперь поняла, насколько близко, слегка подалась вперёд, чтобы поправить чашку, и оказалась к нему непозволительно близко для простой доставки напитка. Магистр посмотрел на неё удивленно, сухо и так ровно, что это, вероятно, только усилило её волнение.

— Осторожнее, — сказал он.

— Да, господин магистр. Конечно. Простите, господин магистр.

Она проговорила это быстро, тихо и с такой искренней самоотверженностью, будто каждое слово было частью важнейшего признания в жизни. Лиара стояла в стороне и уже

не пыталась скрыть улыбку. Сама же новая гостья, похоже, окончательно утратила остатки самообладания. Она выпрямилась, снова поправила вырез на груди — уже почти машинально, но с тем же странным тщанием, — потом схватила салфетку, хотя та ей не требовалась, и прижала её к пальцам, словно так можно было удержать дрожь.

— Если пожелаете, я могу принести ещё, — выпалила она.

— В любое время.

Сказав это, она тут же поняла, как это прозвучало, и замерла с ужасом. Тишина в кабинете стала совсем короткой, но для неё, видно, невыносимой. Магистр еще раз поднял на нее взгляд, обе брови приподнялись сами собой. Он молчал. Служанка же уже отступала к двери, пытаясь идти как можно тише и чиннее, но пышные юбки всё равно выдавали её походку — не грубо, не вульгарно, а просто слишком заметно, слишком живо, слишком по-человечески. На пороге она обернулась ещё раз. Посмотрела на магистра так, словно надеялась, что он вдруг скажет что-нибудь лишнее, человеческое, почти тёплое. Но он лишь скрывая усмешку, склонился к бумагам. Тогда она тяжело, как человек, переживший важное и совершенно личное испытание, вздохнула, снова выпрямилась, поправила на себе платье в третий раз и вышла из кабинета, виляя пышными боками так уверенно, будто именно так и было задумано с самого начала. Дверь закрылась. Лиара рассмеялась. Магистр тоже. Только спустя несколько секунд он спокойно потянулся к чашке и сказал:

— Она слишком старается.

Лиара вышла в боковую галерею и остановилась у окна. Снизу тянуло свежим воздухом с двора. Где-то далеко перекликались кузнецы. Чуть ниже располагались сады замка — аккуратно подстриженные, выровненные, почти безупречные. Даже деревья там росли так, словно им напоминали, где именно их место. Лиара смотрела на эти сады и думала о том, как легко в замке перепутать заботу и контроль. Ей давали всё, что положено дочери главного магистра: мягкие ткани, учителей, книги, охрану, уважение, отдельные комнаты, право присутствовать там, где другим не позволили бы даже приблизиться к двери. И вместе с этим ей оставляли всё меньше пространства для собственного дыхания. Её жизнь была устроена так тщательно, что в ней почти не оставалось места для случайности. А случайность ей была нужна. Хотя бы одна. Хотя бы маленькая. Потому что в последнее время мысль о Празднике Единства жила в ней сильнее всего остального. Не как украшение календаря, а как возможность увидеть мир дальше замковых стен. Услышать то, чего не говорят в этих залах. Посмотреть на людей не через окна и не через отчёты. Узнать, как живут земли за пределами её ежедневного круга. И, может быть, впервые понять, насколько велико то, от чего её отец так упорно отгораживает и её, и весь замок. К вечеру замок стих. Коридоры стали длиннее,

свет в окнах — теплее, шаги — реже. Лиара осталась одна в своей комнате и долго сидела у столика, рассеянно касаясь пальцами резьбы на деревянной поверхности. На полке стояли книги, аккуратно сложенные коробки, несколько украшений, шкатулка с письмами, которые она давно перестала перечитывать. Всё вокруг выглядело красиво и спокойно. И всё же ей казалось, будто стены сдвигаются немного ближе с каждым днём. Она поднялась, подошла к двери, приоткрыла её и выглянула в коридор. Пусто. Где-то далеко, за поворотом, послышался стук шагов стражи. Лиара тихо прикрыла дверь и вернулась к столу. Ей пришло в голову, что если она останется, то в какой-то момент замок окончательно решит за неё, кем ей быть, как говорить, где стоять и что чувствовать. Эта мысль была спокойной, почти ясной. И именно от этой ясности становилось страшнее, чем от любого окрика. Она долго сидела молча. Потом открыла верхний ящик стола и достала оттуда тонкий свёрток — несколько монет, маленький нож, короткую записку с именем старой кормилицы, жившей за западной стеной, и список местных троп, который когда-то случайно оказался у неё после разговора с одним из младших слуг. Лиара смотрела на эти вещи несколько мгновений, потом медленно поднялась. Решение уже сформировалось внутри. Без громких слов. Без театра. Без прощаний. Она подошла к окну, отворила его и вдохнула вечерний воздух. Внизу, во дворе, менялись часовые. Над стеной проходил тёплый ветер, и далеко-далеко, за башнями, у го-

ризонта уже сгущалась глубокая синь. Лиара посмотрела туда долго, словно пыталась разглядеть в сумраке свою будущую дорогу. А потом повернулась, сняла с крючка тёмный плащ и начала собираться. Тихо. Быстро. Сдержанно. Так, как умеют уходить только те, кто слишком долго жил в тесном и выверенном мире. В эту ночь замок ещё стоял неподвижно, как и прежде. Но для Лиары всё уже менялось. Потому что за стенами ждал путь. И впервые этот путь принадлежал ей.

Глава 8. Побег Лиары.

Ночь стояла тихая. Замок спал глубоко, тяжело, почти неподвижно, и только караулы на стенах двигались в привычном ритме, меняясь у ворот, проходя вдоль галерей, перекликаясь короткими, почти бесцветными репликами. Издалека доносился резкий звук повозок — кто-то ещё возвращался в нижний двор, кто-то спешил закончить дела до полной темноты, кто-то, как и всегда, жил по приказу и распорядку. Лиара шла по коридору так, будто слушала самую тишину. Плащ скрывал её светлое платье, волосы были убраны просто и строго, без украшений, без лишнего блеска. В руках она держала небольшой свёрток и не слишком тяжёлую сумку, в которую сложила самое нужное. Всё остальное оставалось в комнате — книги, ткани, привычные предметы, следы прежней жизни, которой ей уже становилось тесно. Каждый

шаг давался ей удивительно спокойно. Это спокойствие было похоже на воду перед глубоким течением: снаружи гладь, внутри движение, которое уже нельзя остановить. Она остановилась у поворота, прислушалась. Ничего. Только далёкий скрип дерева, шорох ткани, глухой звон оружия где-то ниже, у караульной лестницы. Лиара выдохнула медленно и пошла дальше, к западному коридору, где замок был старше, стены — толще, а наблюдение — чуть слабее. Именно там находился один из служебных выходов, которым редко пользовались ночью. Путь туда она помнила хорошо. Слишком хорошо для дочери главного магистра. Она знала, где скрипит третья ступень, где тень от арки скрывает лицо, где можно остановиться и остаться незамеченной, если внизу вдруг появится стражник. Эти знания жили в ней давно, как и умение двигаться тихо, отвечать коротко, смотреть спокойно, даже если внутри всё уже давно было напряжено до предела. С каждым поворотом сердце билось чуть быстрее. Не от страха только. Ещё и от странного, почти забытого чувства — ожидания. В одной из боковых ниш она остановилась, прижалась к прохладному камню и на мгновение закрыла глаза. В памяти вдруг всплыло лицо отца: спокойное, выверенное, почти неподвижное, с тем тяжёлым вниманием, от которого в залах всегда делалось тише. Он редко повышал голос. Именно поэтому его власть казалась такой прочной. Лиара открыла глаза и посмотрела в темноту коридора. Ей вспомнились годы, когда её учили сидеть прямо, говорить вове-

мя, не задавать лишних вопросов, не подходить к окнам без причины, не разговаривать с теми, кто не был одобрен. Её жизнь складывали осторожно, точно редкую вещь, которую нужно сохранить от трещин. Но чем бережнее её укладывали в нужные формы, тем сильнее внутри росло ощущение, что ей оставляют слишком мало воздуха. Она не знала, что именно ищет. Свободу — да. Но не только её. В последние месяцы её всё сильнее тянуло к тому, что пряталось за официальными словами, за советами, за запертыми дверями, за теми редкими оговорками, которые она ловила в разговорах взрослых. Праздник Единства обещал стать большим событием. Туда должны были прибыть разные семьи, разные земли, разные голоса. И если где-то в этом мире ещё существовало что-то, способное пошатнуть привычный порядок, то искать это следовало именно там, среди людей, которых отец предпочитал видеть подальше друг от друга и подальше от замка. Лиара двинулась дальше. Служебный проход вывел её на узкую лестницу, спускавшуюся к западной стене. Там воздух был холоднее, и в узких окнах уже виднелась ночь: глубокая, синяя, с редкими звёздами. Внизу, во дворе, горело всего несколько факелов. Их свет дрожал на камне и тёмных плащах стражи. На мгновение Лиаре показалось, что один из караульных поднял голову. Она замерла. Потом выдохнула и пошла вниз ещё тише. В такие минуты мир сужался до очень простых вещей: до ступени под ногой, до дыхания, до света на камне, до того, как дрожит ремень сумки у плеча. И

всё же в этой простоте было что-то почти очищающее. Впервые за долгое время она шла туда, куда сама выбрала. Женщина жила в маленьком доме старого города за площадью, почти у границы замковой земли, и последние годы редко бывала в главных залах. Её звали мягко, с уважением, но в самой манере говорить уже слышалось, что на неё привыкли смотреть как на часть старого прошлого, которое всё ещё по привычке терпят. Когда Лиара постучала, дверь открылась почти сразу.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала кормилица тихо, выпуская её внутрь. В доме пахло сушёными травами, древесным дымом и тёплым молоком. От этого запаха Лиара вдруг ощутила, как сильно устала. Кормилица закрыла дверь, оглядела её лицо, плащ, сумку и ничего лишнего не спросила.

— Время пришло? — только и сказала она.

Лиара кивнула. Старуха вздохнула, подошла к столу и поставила перед ней чашку.

— Тогда сначала выпей.

Лиара взяла чашку обеими руками. Тепло коснулось пальцев, и она вдруг поняла, что с самого вечера держалась только на внутреннем напряжении. Несколько глотков показали особенно живыми. В них было что-то простое, земное, надёжное — то, чего ей так давно не хватало в каменных коридорах замка. Кормилица села напротив. — Он будет искать тебя, — сказала она спокойно.

Лиара смотрела в чашку.

— Да.

— И если найдёт, обратно уже не отпустит.

Лиара подняла глаза. В этом было столько правды, что даже говорить оказалось почти лишним. Отец не терпел пустот в своих решениях. Если он посчитает её бегство дерзостью, он превратит его в пример. Если решит, что она ошиблась, он постарается вернуть её силой. Если узнает, что она вышла к людям в день подготовки к Празднику Единства, то этот шаг обязательно получит своё тяжёлое имя. Но Лиара уже не хотела жить под этими именами.

— Я не могу больше, — сказала она тихо. Кормилица кивнула так, будто ждала этих слов уже давно.

— И правильно. Иногда нужно уйти прежде, чем стены станут привычнее собственного дыхания. Лиара опустила взгляд. В этих словах было больше поддержки, чем она получала за многие месяцы во дворце. Она сидела молча, слушала потрескивание огня в очаге, шорох ночи за окном и постепенно чувствовала, как внутри неё остаётся всё меньше страха и всё больше ровной решимости. Потом кормилица поднялась, подошла к сундуку и достала оттуда тёмный плащ, простую дорожную обувь и небольшой мешочек с сушёным хлебом, орехами и травами.

— Возьми. Лиара приняла всё без спора.

— Отдохни до утра, дитя. Утром рано я разбужу тебя, — продолжила старая женщина.

— К рассвету на площади будет больше людей. Все потя-

нутся к Празднику Единства.

При этих словах Лиара чуть задержала дыхание. Праздник. Ещё вчера он был для неё дальним событием, о котором говорили в коридорах и на совете. Теперь он становился частью её пути. Туда, где сходятся дороги, куда приходят чужие и свои, где можно услышать то, что в замке не скажут никогда. Она задумалась.

Правильно ли она сделала? Стены замка остались за спиной, но впервые за долгое время она не чувствовала, что принадлежит им. В груди было странное чувство — будто она ушла не только от стен, но и от всей прежней жизни, в которой её место определяли другие. И всё же вместе с этим страхом рядом уже шло иное: острое, почти чистое ощущение свободы. Даже воздух здесь был совсем другим. Он касался лица, волос, рук, и в этом прикосновении было что-то освобождающее. Лиара опустилась на кровать и с трепетным чувством новой жизни заснула...

Рано утром ее разбудила кормилица, предложив на завтрак заваренный чай из смородины и горячую ароматную лепешку.

Ела она с аппетитом, торопясь в дорогу, и вот уже через некоторое время стояла у двери, даже не пытаясь скрыть блеск в глазах, явно показывая что свобода ей по вкусу.

Кормилица подошла ближе, поправила на ней плащ и на миг коснулась её плеча.

— Береги себя, девочка.

Лиара едва заметно улыбнулась.

— Попытаюсь.

Лиара вышла из дома, сначала шла медленно, потом увереннее. С каждым шагом воздух становился свободнее, тишина — шире, а мир впереди — больше. Дорога вела туда, где скоро начнутся людские голоса, огни, музыка, проверки, взгляды, встречи, тайные надежды и первые трещины в привычном порядке. Лиара ещё не знала, что именно найдёт там. Но уже понимала: она идет навстречу своему будущему.

Глава 9. Праздника Единства

К утру дорога стала оживлённее. Сначала это были редкие встречные — телеги с мешками, всадники в дорожной пыли, путники с узлами за плечами, потом всё чаще стали попадаться небольшие группы людей, идущих в одном направлении. Чем ближе становился Праздник Единства, тем заметнее менялся сам воздух вокруг: в нём появлялось больше голосов, запаха еды, конского пота, свежей стружки, ткани, дыма от ранних костров. Эраен шёл уже не первый час. Дорога вывела его из холмов к широкой равнине, где вдаль, на светлом возвышении, начинались строения праздничного города. Отсюда уже были видны высокие флаги, ряды временных навесов, очертания площадей и длинные линии палаток, поставленных вдоль тракта. Солнце поднималось всё выше, и полотнища на ветру чуть дрожали, будто сам празд-

ник ещё только пробуждался. Эраен остановился ненадолго. Он посмотрел вперёд и медленно вдохнул. Здесь чувствовалась совсем иная жизнь, не та, к которой он привык на пустынных дорогах или в редких селениях. Возле Праздника всё всегда становится шире и громче: люди приезжают заранее, толпятся у въездов, спорят с охраной, торгуются, спрашивают дорогу, ищут знакомых, теряются и вновь находят друг друга. В таком месте можно было часами просто наблюдать, как мир собирается в одно большое движение. Эраен поправил сумку на плече и пошёл дальше. Чем ближе он подходил к праздничной площади, тем больше замечал детали. У обочины стояли столы с водой и хлебом. У колodца толпились женщины в дорожных накидках. Дети бегали между повозками, а старики сидели в тени и смотрели на всё это с тихой, чуть усталой улыбкой. Над прилавками уже тянуло тёплым хлебом, мёдом, сушёными фруктами и пряными травами. Он невольно замедлил шаг. Такая людская суeta всегда вызывала у него смешанное чувство: с одной стороны, настороженность, с другой — почти забытое тепло. Когда вокруг много голосов, легче почувствовать, что ты не один. Даже если никто не знает твоего имени. У северного входа стояли стражники. Эраен заметил это сразу. Они не были похожи на дорожных патрульных. Здесь всё было строже: форма чище, движения вывереннее, взгляд холоднее. Они следили за входящими не просто по привычке — по обязанности, в которой чувствовалась напряжённая, по-

чти болезненная внимательность. Каждый путник проходил мимо них, и каждый оставлял за собой короткую тень оценки. Эраен не торопился. Он ждал своей очереди, стоя в стороне от телеги с тканями. Рядом двое мужчин спорили о цене за место у западной линии шатров, и их разговор тянулся лениво, как полуденный жар. Где-то дальше кто-то смеялся слишком громко. Слева женщина качала на руках ребёнка и что-то напевала себе под нос. Эраен смотрел на всё это спокойно. В таких местах он всегда ощущал неясное внутреннее движение. Не тревогу — скорее тихий отклик, будто мир вокруг чуть внимательнее, чем обычно, слушает его шаги. Это чувство было знакомым, но непонятным. Оно сопровождало его давно, приходило в дороге, в тишине, у воды, у старых камней, и всякий раз исчезало прежде, чем он успевал назвать его словами. Он не пытался объяснить это себе. Пока было достаточно просто идти. Когда очередь дошла до него, стражник поднял голову и окинул его взглядом с ног до головы. — Имя? — спросил он сухо. — Эраен. — Откуда идёшь? — С севера. Стражник задержал на нём взгляд дольше, чем на остальных. Эраен не опустил глаз. Ничего особенного в этом обмене не было, но он всё равно почувствовал, что в нём есть скрытое напряжение. На празднике слишком много людей. Слишком много чужих лиц. Слишком много тех, кого нельзя назвать по одному взгляду. И всё же именно такие места опаснее всего для тех, кто привык держаться тише других. Наконец стражник кивнул и пропустил его.

За входом площадь раскрылась перед ним сразу, широкой волной света и шума. Там было всё. Ряды лавок с тканями и резьбой по дереву. Котлы с горячей едой. Музыканты у дальнего навеса. Дети, бегущие за яркими лентами. Торговцы, спорящие о весе и качестве товара. Путники, остановившиеся у фонтана. Старшие, говорящие с магами и представителями двора. И множество лиц — разных, утомлённых дорогой, радостных, настороженных, внимательных. Эраен медленно двинулся вперёд. Но в этой видимой лёгкости уже угадывалась тонкая нить напряжения. Слишком тщательно выстроенные ряды охраны. Слишком много наблюдающих глаз. Слишком осторожные приветствия у тех, кто знает, что мир давно перестал быть простым. Эраен прошёл мимо первого ряда палаток и остановился у прилавка с хлебом. Продащица, крепкая женщина с красными от жара щеками, положила перед ним тёплую лепёшку и кружку воды.

— Первый раз на празднике? — спросила она, заметив его взгляд. — Нет, — ответил Эраен.

— Но давно здесь не был.

Она усмехнулась.

— Тогда ешь не спеша. Тут сегодня ещё будет не протолкнуться. Эраен кивнул и отошёл в тень навеса, где можно было постоять спокойно. Он отломил кусок лепёшки и некоторое время просто смотрел на площадь. Люди приходили всё новее и новее, и каждый новый поток словно вливался в общий ритм дня. Где-то уже готовили настилы для

игр, кто-то раскладывал музыкальные инструменты, в воздухе слышались обрывки смеха и короткие деловые разговоры. Он ел медленно. Смотрел вокруг. И понемногу узнавал этот край не по книгам и не по слухам, а глазами. Камень здесь был светлее. Деревянные настилы — аккуратнее. Люди держались чуть иначе, чем в южных землях, где он бывал раньше: больше осторожности в движениях, больше напряжённой вежливости, будто каждый привык помнить, кто стоит выше него и кто может услышать лишнее слово. Эраен прислонился плечом к столбу и задумался. Его путь всегда был полон чужих земель. Он видел степные дороги, где горизонт казался бесконечным. Видел узкие горные тропы, где ветер бил в лицо так, будто проверял человека на прочность. Видел города у воды, где запах соли смешивался с дымом. Видел деревни, в которых люди жили медленно, как будто берегли каждую минуту. И всё же именно на таких праздниках лучше всего становилось видно, насколько разные края, и насколько по-разному каждый из них приспособивался к единой власти. Эти мысли не тревожили его, а скорее собирали. Как будто дорога вела не только вперёд, но и к пониманию самого мира. Он поднял взгляд к центральной площади. Там уже возводили высокий помост для торжественных выступлений. Рядом развешивали тканевые панели с гербами. Воины проверяли периметр. Несколько магов в закрытых тёмных одеждах стояли чуть в стороне и переговаривались с теми, кто руководил порядком. Всё выглядело празд-

нично, но под этой праздничностью уже чувствовалась осторожность. Слишком хорошо организованное веселье всегда напоминает о том, что где-то рядом стоит страх. Эраен медленно выдохнул и сделал ещё несколько шагов вперёд. День только начинался, а вокруг уже было столько движения, будто весь край решил собраться в одной точке и замереть перед тем, что ещё должно случиться. Эраен не знал, что именно принесёт этот праздник. Но чувствовал: он пришёл сюда не случайно. И пока это чувство было только смутным, почти безымянным, он позволял ему жить внутри — так же, как позволял себе идти дальше, смотреть внимательнее и запоминать всё, что видит. Потому что иногда дорога приводит не к месту, а к началу. И Праздник Единства уже начинал становиться для него именно таким началом.

Обходя площадь, Эраен заметил суету у главного помоста. Там уже сновали служители, проверяя тканевые полотнища, выравнивая доски, протирая ступени и расправляя складки на официальных занавесах. Сам помост был ещё пуст, но именно поэтому казался особенно важным: каждая мелочь на нём выглядела частью чего-то большого, заранее установленного и почти торжественного. У высокой стойки для выступающих стоял человек Ордена — писарь или чтец, судя по сухой осанке, аккуратному плащу и привычке смотреть на мир так, будто тот должен ему за чёткую формулировку. Он явно готовил место для официальной речи. И гото-

вил с той тщательностью, которая бывает только у людей, свято верящих, что порядок — это когда всё лежит в строго определённом месте, а если что-то сдвинулось хотя бы на палец, значит, наступает бедствие. На стойке уже были разложены: свитки, прижатые гладким камнем; две восковые таблички; запасной свиток, потому что «основной, вероятно, понадобится для запаса»; лента с печатью; тряпица для рук; чернильница; ещё одна чернильница, «на случай, если первая прольётся»; перо; ещё два пера; узкий нож для подрезки бумаги; шнурок; маленький колокольчик, назначение которого, похоже, было известно только самому чтецу. Эраен невольно замедлил шаг. Чтец между тем всё раскладывал и раскладывал, бормоча себе под нос:

— Первый свиток слева... печать отдельно... чернила рядом с печатью, нет, не так, будет пятно... если пятно на речи, будет замечание... если будет замечание, то я виноват...

Он остановился, нахмурился, переставил колокольчик на локоть правее, отошёл на шаг и осмотрел результат с видом полководца, проверяющего расположение войск.

— Лучше, — пробормотал он.

— Уже почти все достойно.

В этот момент неподалёку, на ограждении у края площади, сидела огромная сорока. Птица была внушительная, наглая и до неприличия уверенная в собственном праве на пространство. Она наблюдала за суетой с таким видом, словно всё происходящее на помосте затеяно исключительно ради

того, чтобы лично её развлечь. Сорока склонила голову. Потом ещё раз. И вдруг, с деловитой важностью, спрыгнула на край помоста. Чтец поднял глаза.

— Нет, — сказал он сразу, тихо и очень твёрдо.

Сорока посмотрела на него, моргнула и сделала вид, что не услышала. Чтец нахмурился.

— Уйди.

Птица не ушла. Она прошагала вдоль стойки, заглянула в чернильницу, слегка наклонила голову к свиткам и, похоже, приняла окончательное решение. По её птичьей логике всё это явно было выложено не просто так. Если что-то так тщательно разложено, значит, оно важно. Если важно, значит, его можно забрать. А если оно ещё и блестит, то тем более. Сорока вытянула шею, посмотрела на маленький колокольчик, потом на перо, потом на гладкий камень для бумаг и, не теряя времени, осторожно ткнула клювом в самый край свитка. Чтец побледнел.

— Не смей. Сорока клюнула ещё раз. Теперь уже увереннее. Свиток чуть сдвинулся. Чтец среагировал мгновенно, схватив его обеими руками.

— Это не для тебя! Птица отступила на шаг, но только для того, чтобы, не мигая, уставиться на чернильницу. Эраен остановился у подножия помоста и наблюдал молча. Чтец, заметив его, словно бы смутился от свидетеля собственной борьбы с птицей и выпрямился. — Всё под контролем, — сказал он, хотя это звучало скорее как просьба не задавать

лишних вопросов. Сорока тем временем сделала короткий скачок и ловко ткнула клювом в запасное перо. Перо подпрыгнуло. Птица замерла. Потом осторожно наклонила голову, словно оценивая качество добычи.

— Нет! — сказал чтец уже громче.

— Нет, и ещё раз нет!

Он сделал шаг вперёд, вытянул руку, стараясь не спугнуть птицу, и в тот же миг сорока, будто именно этого и ждала, схватила перо и взмыла на ближайший столб. На помосте воцарилась тишина. Чтец застыл с протянутой рукой. Перо, аккуратно вырванное из порядка мира, болталось в сорочьем клюве, как официальная победа. Потом птица гордо перелетела на край навеса и с видом победителя уронила перо себе под лапу. Чтец открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Это... — начал он. И не нашёл слова.

Эраен, не удержавшись, усмехнулся, опустив взгляд. Сорока тем временем уже присматривалась к следующему предмету: к маленькому колокольчику. Чтец проследил её взгляд и резко прикрыл ладонью то самое место на стойке, где он лежал.

— Даже не думай.

Птица наклонила голову. Чтец наклонил голову в ответ. Со стороны это выглядело почти как дипломатические переговоры. Потом сорока, будто решив, что клювом её не удивить, вдруг быстро соскочила вниз, прошла по стойке боком и сунула голову прямо в стопку свитков.

— О нет, — выдохнул чтец.

Святой порядок был нарушен окончательно. Свитки разъехались, одна табличка соскользнула набок, чернильница качнулась, и чтец рванулся вперёд так стремительно, что чуть сам не опрокинул половину подготовленного выступления.

— Прочь! Прочь отсюда!

Сорока выдернула голову из бумаги с торжествующим видом и, не взяв ничего, что можно было бы назвать полезной добычей, всё же сумела добиться главного: полного уничтожения спокойствия. На край помоста уже сбегались двое служителей и ватага детей. Один из служителей увидел картину, замер и только спросил:

— Она... что-то унесла?

Чтец, задыхаясь от возмущения, посмотрел на стойку. Перо было похищено. Колокольчик — спасён. Свитки — в беспорядке. Чернила — почти пролиты. Достоинство — в опасности.

— Пока ещё нет, — сказал он сквозь зубы.

— Но, судя по её намерениям, это вопрос времени.

Служитель развернулся к сороке. Та, словно поняв, что речь наконец пошла о ней, гордо расправила крылья и издала короткий, хриплый крик. Потом медленно опустилась на соседний край помоста и принялась демонстративно чистить клюв о деревянную балку, как человек, который только что был приглашён на чужое собрание и остался чрезвычай-

чайно доволен приёмом. Эраен не выдержал и тихо рассмеялся. Чтец это услышал. Он обернулся, будто надеясь найти поддержку в лице единственного случайного свидетеля.

— Вы тоже находите это смешным?

Эраен чуть помедлил, потом ответил с полной серьёзностью:

— Кажется, она решила, что это её выступление.

Служитель рядом фыркнул. Чтец же, вопреки всему, на миг замер, а потом тяжело опустил плечи.

— Прекрасно, — пробормотал он.

— Теперь у меня здесь ещё и соперник.

Сорока, словно услышав знакомое слово, встрепенулась и одним резким движением снова нырнула к стойке. Чтец бросился вперёд. Служитель схватился за таблички. А у края помоста дети уже не сдерживались. Сначала хихикнул один, потом второй, и через секунду вся ватага смеялась в голос, глядя то на чтеца, то на сороку, то на мечущихся служителей. Эраен, уже не скрывая смеха, отошёл в сторону, чтобы не мешать этой безнадёжной битве между Орденом и птицей, которая явно чувствовала себя здесь не гостем, а полноправной хозяйкой праздника. А над помостом, среди утренней суеты, уже звучал детский смех.

Глава 10. Тайные тени былого величия

Эраен стоял на площади как раз в тот час, когда праздник ещё только поднимался из утренней тишины. Свежий ветерок скользнул по лицу, качнул ленты у ближайших стоек и пробежал по полотнищам, натянутым у края площади. Солнце ещё не успело подняться высоко и мягко касалось крыш, скользило по доскам, по металлическим креплениям, по стеклу, которое уже осторожно выставляли на столы. В этом утре было что-то особенно ясное: будто весь день ещё только собирался вдохнуть полной грудью. Площадь жила в ожидании. Повозки одна за другой въезжали к рядам, оставляя за собой тихий скрип колёс и следы на пыльных камнях. Люди разгружали ящики, передавали друг другу свёртки, натягивали ткани, расправляли верёвки, вбивали колышки, подвязывали края шатров. Всё это происходило не спеша, но и без лишней суеты — с той сосредоточенной точностью, которая бывает только перед большим днём, когда каждый знает, куда идти и что делать. Служители Орденов ходили между рядами спокойно и уверенно. Они проверяли, ровно ли стоят стойки, не слишком ли узки проходы, не мешают ли телеги движению, и их присутствие придавало площади особую собранность. Не строгость — нет. Скорее ощущение, что праздник уже держится на чьей-то внимательной ладони, и потому ничто не рассыпается раньше времени. Эраен

медленно пошёл вперёд, разглядывая, как из почти пустого пространства рождается шумный день. Вот у одной повозки разворачивали ткань цвета зрелой листвы. Вот рядом двое мужчин переносили длинные доски, стараясь не задеть развешанные ленты. Вот женщина, присев на корточки, перебирала в корзине стеклянные банки, и утренний свет ловил их бока, вспыхивая в них короткими, чистыми бликами. Где-то дальше уже смеялись дети — ещё не у товаров, ещё не у рядов, а просто потому, что день обещал быть хорошим. Эраен сделал ещё несколько шагов и позволил площади окончательно взять его в своё движение. Постепенно к утренней свежести начали примешиваться другие запахи — сначала едва заметные, потом всё более отчётливые. Где-то потянуло пряностями и горячим тестом. Чуть дальше — сладким сиропом и ягодами. Ещё через несколько шагов воздух стал плотнее, теплее, насыщеннее, и в нём уже различался дым жаровен, запах мяса,пряного масла и свежих лепёшек. Площадь раскрывалась перед ним медленно, как большой, светлый узор. И он пошёл дальше — уже не только смотря, но и вдыхая, слушая, замечая, как праздник начинает жить по-настоящему. У первых жаровен толпилось больше всего народу. Над решётками шипело мясо, тонкий дым поднимался в воздух и смешивался с запахом соли, лука и растёртых трав. На больших деревянных досках лежали куски с тёмной коркой, рядом — лепёшки, облитые маслом, и маленькие порции на тонких палочках, чтобы можно было есть на ходу.

— Не стой, не стой, — раздался громкий голос.

— Пока думаешь, всё съедят!

Эраен повернул голову на голос и увидел мужчину у жаровни. Тот одной рукой переворачивал мясо, другой отгонял мальчишку, который слишком близко ткнулся к огню.

— Я просто смотрю, — пробормотал мальчишка.

— Смотреть будешь потом. Сейчас жуй глазами быстрее.

Толпа вокруг засмеялась. Эраен подошёл ближе.

— Что берёшь? — спросила женщина у соседнего вертела, уже протягивая ему кусок лепёшки.

— С мясом или с пряным жиром?

— С мясом.

— Правильный выбор. С жиром берут только те, кто ещё не пожалел ни об одном решении в жизни.

Эраен принял лепёшку и мясо, расплатился, откусил — и тут же почувствовал, как дым, соль и горячий сок заполняют рот. Мясо было с хрустящей коркой, сочное внутри, с терпкой нотой огня. Лепёшка — мягкая, чуть сладковатая, с неровными пузырями от жара.

— Ну? — спросил тот, у жаровни, заметив его лицо.

— Хорошо.

— Это не ответ, — буркнул мужчина.

— Это приговор мне жить дальше с гордостью.

Из-за соседнего стола кто-то окликнул:

— Ангар! Не задирай голову, а то мясо у тебя сгорит!

Ангар фыркнул, даже не оборачиваясь.

— Браен, сын. Подбрось ка еще углей в жаровню. Люди любят, когда все с пылу с жару.

— Раен, сынок, неси еще мясо сюда и поскорей,— сказал глава семейства.

Эраен заметил двух взрослых сыновей за прилавком, живо и охотно помогающих отцу.

— Если моё мясо сгорит, я скажу, что это новый способ копчения. Люди любят всё новое.

Ангар продолжил хлопотать у жаровни и зазывать прохожих.

Эраен усмехнулся и пошёл дальше, унося с собой тепло огня, солоноватый вкус и ритм чужого смеха. Чуть дальше воздух стал другим. Холоднее. Слаще. Тише. Тут стояли кувшины с компотом, стеклянные банки с густым мармеладом, леденцы на палочках, блестящие в солнце, и ряды маленьких чаш с ягодным желе. На ткани, подложенной под товар, блестели капли воды — не случайно, а специально, чтобы всё казалось свежим, прохладным, только что вынутым из тени. Эраен остановился у стола, где девушка с мокрыми руками аккуратно выкладывала банки в ряд.

— Мирана, осторожно, не наклоняй, — сказала женщина рядом.

— Если прольёшь, потом будешь весь день пахнуть вишней.

— Это ведь не худший запах, — заметил Эраен.

Женщина подняла глаза и улыбнулась одними уголками губ.

— Зависит от того, кто рядом.

Она подала ему маленький стакан с компотом. Жидкость внутри была тёмно-красной, с ягодами на дне. Эраен попробовал — и сразу почувствовал холодную сладость, чуть кислую, как утренний воздух после росы. Следом взял ложечку мармелада: тягучий, упругий, ягодный, с привкусом мёда и чего-то цветочного.

— Ну как? — спросила женщина.

— Слово лето можно спрятать в банку.

Она коротко рассмеялась.

— Вот это ответ!

Тут он резко повернул голову на звук и увидел девочку у края прилавка: она тянулась к леденцу, попутно облизывая пальцы, испачканные ягодным сиропом. Женщина за прилавком суетливо сказала:

— Минара, ты сейчас вся испачкаешься! Не торопись, милая.

Она заботливо следила за дочерью, успевая зазывать к своему прилавку проходящих мимо.

Эраен сделал ещё глоток и чуть прикрыл глаза, чувствуя, как прохлада разливается по языку и смягчает жар, оставшийся после мяса.

— Вкусно? — спросил рядом тихий голос.

Он обернулся. Перед ним стояла девушка, и площадь

словно на миг стала тише только для того, чтобы её присутствие стало заметнее. В её осанке было спокойствие, в движениях — мягкая выверенность, а каждый жест выглядел таким естественным, будто она с детства привыкла держаться именно так. Светлая одежда сидела на ней чисто и легко, без лишней пышности, но с той дорогой простотой, которая сразу притягивает взгляд. Лицо у неё было светлым и ясным, черты — тонкими и собранными, а во взгляде светилась та мягкая сила, которая не требует громких слов. Эраен задержал взгляд чуть дольше, чем собирался.

— Да, — ответил он.

— Очень.

Она едва заметно кивнула, словно ему и не требовалось говорить больше.

— Это заметно, — сказала она и, будто вовсе не торопясь, скользнула взглядом по компоту в его руке.

— Здесь умеют делать хороший напиток.

Сказано это было просто, но в самой интонации слышалась такая естественная уверенность, что Эраен невольно посмотрел на неё внимательнее.

— Вы часто здесь бываете? — спросил он.

— Когда есть повод, — ответила она.

Эраен хотел спросить что-то ещё, но у соседнего стола уже поднялся смех, и женщина за прилавком позвала покупателей. Девушка чуть повернула голову на этот шум, затем снова посмотрела на него — спокойно, прямо, без спешки.

— Пейте, пока холодный, — сказала она.

— Потом станет обычным. Эраен остался стоять с компотом в руке и только потом заметил, что улыбнулся. В этот момент мимо прошла весьма заметная пара молодых людей. Они сильно отличались от других на площади. Шли не торопясь, уверенно, как хозяева этих владений.

Просто шли сквозь шум, как люди, которые знают свое место, и это место выше все остальных. У одного был темный плащ с тонкой вышивкой по краю, у другой — светлая накидка, подхваченная ветром. Они остановились у сладкого ряда, обменялись парой слов с девушкой, взяли по маленькому стакану компота и вместе пошли дальше, не задерживаясь. Эраен отметил это машинально: не торговцы, не праздные зеваки, а те, кто будто всегда находится чуть в стороне от общего шума, но всё равно видит всё. Он допил компот и двинулся дальше. За сладким рядом шумел уже другой голос. Чуть в стороне, у фонтана, двое молодых людей стояли так, словно им вовсе не нужно было никуда торопиться. Вода тихо звенела между камней, солнечные блики прыгали по влажным краям чаши, а рядом проходили люди, не задерживаясь. Эраен замедлил шаг, сам не понимая почему.

— Адепты ордена опять тут, ты видел их вчера — спросил один.

— Видел, — ответил второй.

— Они держались возле семьи до самого конца.

— И всё-таки ушли раньше, чем начался спор.

— Потому что ждали не спора.

— А чего?

Второй на миг перевёл взгляд на площадь, будто мог увидеть ответ прямо в людском движении.

— Тихо! Кто-то всегда смотрит, — сказал он.

— Вопрос только в том, замечают ли это те, за кем смотрят.

Эраен чуть нахмурился. Разговор был странный, но сказанное прозвучало так спокойно и так буднично, будто речь шла не о чём-то важном, а о погоде или времени. Они не оглянулись. Не замолчали нарочито. Просто продолжили стоять у фонтана, глядя на людей с той тихой собранностью, которая и заставила Эраена задержать на них взгляд дольше обычного. Он двинулся дальше.

Следующий ряд встретил его тишиной. Не настоящей, конечно — площадь всё ещё шумела, но здесь, у каменного товара, звук будто становился короче, суше. На столах лежали амулеты, гладкие и тёмные, посудыны с ровными краями, ножи с тяжёлыми рукоятями, круглые каменные подвески и маленькие талисманы с вырезанными знаками. Всё было тяжёлое на вид, спокойное, надёжное, как вещь, которая не любит лишних прикосновений. Эраен провёл пальцем по одному из амулетов. Камень оказался холодным, гладким с одной стороны и чуть шершавым с другой.

— Не для игры, — сухо сказал кто-то из-за стола.

Эраен поднял глаза. Мужчина, стоявший за прилавком,

смотрел на него без улыбки, но и без неприязни. Просто спокойно, оценивающе, как смотрят на нож, который должны купить.

— Я и не играл, — ответил Эраен.

— Хорошо. Игры с камнем плохо заканчиваются.

Рядом стоял мальчишка, раскладывавший каменные чаши. Он буркнул что-то вроде:

— Если уронить, не только игра закончится.

— Вот поэтому и не роняй, — сказал мужчина.

Эраен чуть приподнял амулет, снова ощутив его вес.

— Этот для дороги?

— Для тех, кто не теряет дорогу, — ответили ему.

— И не теряет голову.

Эраен усмехнулся.

— Значит, не мне.

— Не скажу, — сухо ответил торговец.

— У тебя ещё есть время стать внимательнее. Сосед по ряду, проходя мимо, бросил:

— Краен, если ты будешь смотреть на покупателей так, будто они уже сломали твою чашу, у тебя никто ничего не купит.

— Тогда иди и продавай за меня, — не повышая голоса, сказал тот. — Я бы продал, но у меня руки заняты.

— Чем?

— Собой. Ряд взорвался коротким смехом.

Эраен двинулся дальше, оставив за спиной камень, про-

хладный воздух и сухой юмор, похожий на сам товар: крепкий, прямой, без лишнего блеска.

Потом кто-то за его спиной громко крикнул:

— Фарен!

Он обернулся. Юноша в темном плаще, тот самый, что уже проходил мимо сладкого ряда со своей спутницей, стоял чуть в стороне и держал в руке стакан компота.

— Попробуй, — сказал он, кивнув на напиток.

— У Марены сегодня он особенно хороший.

Парень стоявший чуть поодаль, тот что чуть раньше стоял у фонтана с приятелем, взял стакан, коротко кивнул.

— Спасибо.

— На площади сегодня всё хорошее, если успеть вовремя, — ответил тот и, не задерживаясь, увёл его дальше, растворяясь в потоке людей.

Эраен прошел дальше. Потом он оказался там, где всё вдруг стало легче. Тонкие ткани висели на верёвках и шевелились от каждого движения воздуха. Ленты тянулись из прилавка, как струи цвета. Платки, накидки, короткие шарфы, воздушные отрезы материи — всё это двигалось, переливалось, трепетало. Рядом лежали игрушки: вертушки, птицы из ткани, маленькие звери, набитые сухими травами. И повсюду — летучие змеи. Яркие, с длинными хвостами, с кисточками и полосами, которые уже рвались в небо. Здесь дети были особенно шумными.

— Держи крепче!

— Я держу!

— Нет, ты просто надеешься!

— Он уже плывет!

— Нет, он падает!

Эраен невольно остановился, наблюдая, как мальчишка вцепился в раму змея и, стиснув зубы, пытался поймать ветер. Рядом стояла девочка и подпрыгивала от нетерпения, а ещё одна — постарше — давала советы с таким видом, будто сама всё это уже тысячу раз запускала.

— Не тяни вверх! — крикнула торговка из-за прилавка.

— Вперёд, вперёд, не вверх!

— Я и так вперёд!

— Если бы вперёд, он бы уже летел!

Мальчишка покраснел, поправил хватку, и змей дрогнул, поднялся, поймал поток воздуха и вдруг плавно пошёл вверх. Толпа у ряда загудела одобрительно. Эраен улыбнулся. Возле лент женщина выбирала ткань для ребёнка, касалась краем пальцев тонкого полотна и качала головой.

— Эта не слишком тонкая?

— Для ветра — в самый раз, — ответили ей.

— Для грязи — нет. Но праздник ведь не про грязь.

— Тогда беру.

— Разумно.

Эраен коснулся одной из лент. Она скользнула по коже легко, почти невесомо.

— Эту тоже можно? — спросил он.

Торговка посмотрела на него и прищурилась.

— Если не собираешься её привязывать к камню.

— Нет.

— Тогда бери. Празднику нравится, когда что-то летит.

Он взял ленту, повертел её в пальцах и на миг посмотрел вверх, где чужой змей уже поднялся над площадью. Ветер на высоте был сильнее, чище, и ткань летела так свободно, будто знала, что должна быть именно там. И в этот момент с края ряда донёлся резкий голос:

— Эй! Осторожнее!

Эраен повернул голову. Один из торговцев слишком резко шагнул назад, и локтем задел корзину с маленькими стеклянными фигурками. Корзина качнулась, край её съехал, две фигурки сорвались вниз и ударились о камень. Звон вышел тонким, неприятным. Торговец тут же вспыхнул.

— Кто так ставит? Ты глаза дома забыл?

Ответили ему не менее резко. Люди вокруг начали оборачиваться, движение ряда на миг сбилось, кто-то шагнул ближе, кто-то, наоборот, отступил. Эраен ещё не успел понять, чем всё закончится, когда рядом с ним остановился молодой человек, разговор которого он недавно слышал у фонтана с Фареном. Он появился без спешки, но будто сразу занял в этом шуме своё место. Высокий, сухой, с резкими линиями лица; в его взгляде было что-то цепкое и сосредоточенное, а в спокойствии — такая твёрдость, что спор сам собой начал терять силу. Он посмотрел сначала на стекло, потом на кор-

зину, потом на торговцев.

— Хватит, — сказал он негромко.

Слово прозвучало ровно, но так, что оба спорщика замолчали. Он опустил, поднял уцелевшую фигурку, поставил её обратно в корзину, затем повернулся к торговцу:

— Переставь ящик к краю. И не ставь хрупкое там, где тебя могут задеть.

Сказано было без укора, почти буднично. Но торговец только коротко кивнул и, не споря, двинул корзину в сторону. Эраен отметил это и сам не понял, почему ему захотелось посмотреть на мужчину ещё раз. Тот уже отходил, и в его движениях не было ни суеты, ни бравады. Он словно и правда умел гасить любое лишнее движение до того, как оно станет бедой. Эраен проводил его взглядом и пошёл дальше. Праздник уже успел заполнить площадь почти полностью. Голоса стали громче, смех — чаще, шаги — плотнее. Дым от жаровен тянулся выше, в сладких рядах звенели ложки, у ткани продолжал работать ветер, а у фонтана всё ещё стояли те двое, будто разговор их не закончился, а просто стал тише. Эраен двигался вместе с толпой и чувствовал, как что-то в этом празднике начинает меняться. Пока это было почти незаметно. Лишь в паузах между смехом, в коротких взглядах, в лишней точности движений, в том, как некоторые люди оказывались рядом именно тогда, когда случалась небольшая заминка, в самой атмосфере площади появлялось едва уловимое напряжение. Не страх. Не тревога. Скорее ощущение

ние, что праздник — это не только яркие ряды, музыка и еда, но и ещё что-то, спрятанное глубже, внизу, под всей этой праздничной красотой. Что-то старое, внимательное, умеющее смотреть изнутри. Эраен не мог бы объяснить это словами. Но он чувствовал это всё яснее с каждым шагом. И когда впереди показались Тотемы, он уже шёл туда не просто как человек, решивший посмотреть праздник. Он шёл туда, потому что площадь, шумная и живая, вдруг стала для него чуть более загадочной, чем была ещё час назад.

11.Официальный праздник.Тотемы.

С первыми звуками праздничного рога площадь изменилась. Ещё недавно она казалась шумной, но почти будничной — с открывающимися палатками, с суетой торговцев, с голосами, в которых слышалась утренняя спешка. Теперь же всё это отступило перед торжественной частью праздника. На возвышении у центральной площади появились служители Ордена, и народ, будто по невидимому знаку, начал стягиваться ближе. Чёрно-серебряные мантии выделялись среди пёстрой толпы как тени на светлом камне. Маги шли неспешно, с той выверенной уверенностью, которая сразу напоминала всем: праздник принадлежит не людям, а Единству. Они занимали свои места на помосте, поправляли рукава, переговаривались короткими фразами и смотрели на площадь так, словно перед ними было не множество живых

лиц, а единая покорная масса. Ветер почти не шевелился, и оттого флаги Единства висели неподвижно, тяжело, словно и сами слушали то, что сейчас прозвучит. Эраен скользил взглядом по площади, замечая среди празднующих уже знакомые силуэты. С возвышения раздался громкий, твёрдый голос.

— Народ Владений Единства! — прозвучало над людьми.

— Да будет этот день днём благодарности, мира и радости под защитой Ордена!

Маг на помосте продолжал говорить, и его речь медленно текла над людьми, густая и ровная, как хорошо отрепетированное заклинание. Он напоминал о мире, подаренном Единством. О порядке, удерживающем земли от хаоса. О защите, которую Орден якобы несёт каждому дому, каждой семье, каждому ребёнку. О дне благодарности, когда народ должен радоваться тому, что живёт под покровом силы, способной обуздать и бурю, и огонь, и саму память о старых войнах. Слова были красивыми. Следом начались приглашения к угощениям. У центральных столов уже выстроились длинные ряды блюд: хлеб, запечённые фрукты, сладкие лепёшки, дымящиеся чаши с тёплым питьём, мясо на вертелах, корзины с мелкими плодами. Слуги и помощники Ордена торопливо разносили еду, следя, чтобы никто не оказался обойдённым, а дети уже тянули родителей за рукава, не в силах дождаться, когда можно будет утащить что-нибудь со стола. Где-то сбоку заиграли первые инструменты. Сначала

негромко, будто настраиваясь, потом увереннее — и музыка понеслась по площади волной, подхватывая шум, смех, звон посуды и голоса. В одном конце площади уже начинали кружиться танцующие пары, в другом — двое молодых парней о чём-то азартно спорили у столбов с лентами, а дальше стайка детей с радостным визгом пыталась поймать разноцветные шары, подпрыгивавшие над их головами на магическом ветре. Праздник вступил в полную силу. Эраен медленно пошёл вперёд, растворяясь в толпе. И тут в стороне он заметил девушку, совсем юную и с осторожным взглядом на происхождение. Лиара была среди толпы, но не рядом с магами и не на возвышении. Она была одна, в простой одежде, в скромном дорожном платье и накинутом сверху плаще, так что любой принял бы её за обычную девушку из города или приезжую простолюдинку. Именно такой она и хотела казаться. Вчера она сбежала из замка, и теперь, скрыв своё происхождение, просто ходила среди людей, глядя на праздник с тем вниманием, которое бывает у тех, кто впервые за долгое время ощущает свободу. Она шла спокойно, почти незаметно, как человек, не желающий привлекать к себе взгляды. Но именно в этот момент к ней прицепилась компания мужчин.

Они уже пришли на праздник хорошо выпившими. Шли нетвёрдо, шатались, громко смеялись, цеплялись друг за друга плечами и локтями, будто у них не было ни страха, ни стыда, ни здравого смысла. Им казалось, что день принадлежит им, что море по колено и что любой подвиг им по силам

— особенно если рядом чужие люди, шум, музыка и толпа. Они увидели Лиару и сразу решили, что могут позволить себе лишнее.

— Эй, красавица, — протянул один, пошатываясь. Другой хрипло засмеялся:

— Одна гуляешь? Третий уже шагнул ближе.

— Пойдёшь с нами. Праздник ведь. Лиара остановилась и посмотрела на них холодно и спокойно. Но это только раздрадило их сильнее. Один протянул руку к её плечу. Другой схватил за локоть. Третий попытался перехватить её за запястье.

— Пусти, — сказала Лиара ровно. Её голос не дрогнул, но мужчины уже были слишком пьяны, чтобы услышать в нём предупреждение. Один дёрнул её к себе, другой попытался увести за руку, третий загоготал и сказал что-то грубое. Именно тогда Эраен двинулся к ним.

— Отпустите её, — сказал он, останавливаясь рядом.

Мужчины обернулись почти одновременно. Один из них прищурился и качнулся вперёд.

— А ты кто такой?

— Тот, кто сейчас вам помешает.

Ответ вызвал только пьяный смешок.

— С дороги, парень.

— Не лезь, пока цел.

Но Эраен уже видел: эти люди не уйдут сами. Он шагнул вперёд, перехватил руку того, кто держал Лиару за запястье,

резко вывернул движение и толкнул противника в грудь. Тот пошатнулся и врезался в своего приятеля. Второй тут же полез с кулаками. Удар пришёлся Эраену по плечу, но он уже был в движении: уклонился, ударил коротко в корпус, сбил противника с равновесия и отбросил его назад. И тогда началась настоящая драка. Эраен вступил в серьёзную схватку со всей компанией. Они полезли на него сразу все. Один — слева. Другой — справа. Третий пытался схватить сзади. Четвёртый, качнувшись, замахнулся слишком широко и тут же получил жёсткий удар в челюсть. Толпа вокруг расступилась. Кто-то ахнул. Кто-то закричал. Кто-то решил, что это обычная праздничная потасовка, но очень быстро стало ясно: драка уже вышла далеко за пределы шуточной стычки. Пьяные мужики лезли вперёд снова и снова, всё ещё раззадоренные собственным хмелем и глупой удалей. Им море было по колено, пока первый не упал в пыль, второй не схватился за разбитое лицо, а третий не налетел на перевёрнутый столик с чашами и лепёшками. Эраен бил жёстко и без лишних движений. Он не искал зрелища. Он просто не позволял им добраться до Лиары. Один из мужчин попытался зайти сбоку, но получил удар в корпус и согнулся. Другой схватил Эраена за куртку, но тот резко дёрнул его на себя и отбросил в сторону. Третий, потеряв равновесие, тяжело рухнул в пыль. Удары, ругань, хриплое дыхание, звон посуды, топот, крики — всё слилось в одну грязную, шумную, злую сцену. Наконец у компании кончился весь их пьяный запал. Один

отступил, тяжело дыша. Другой поднял руки, будто пытался оправдаться перед воздухом. Третий сел прямо в пыль и уже не пытался подняться. Четвёртый, оглядываясь, поспешил назад, пока стража не подошла ближе. К месту уже двигались двое стражников. Пьяные быстро потеряли всё своё хвастовство и расползлись в стороны, делая вид, что ничего особенного не произошло. Эраен стоял перед Лиарой, тяжело дыша. Она посмотрела на него с короткой, благодарной улыбкой и, отряхивая его одежду от пыли, сказала:

— Спасибо. Я бы и сама справилась.

— Не сомневаюсь, — сказал он.

Они рассмеялись.

— Но ты оказался быстрее, — добавила она.

— Лиара, — представилась она после короткой паузы.

— Эраен.

Они разошлись с лёгким, едва уловимым ощущением, что между ними промелькнула симпатия.

Праздник был в самом разгаре около трех часов, потом начал тихо отступать, словно не хотел уходить сразу. Сначала это чувствовалось только по мелочам: смех становился тише, голоса — мягче, а в движениях людей появлялась приятная усталость, как после хорошего дня, который никому не хочется заканчивать. На площади ещё держалось тепло веселья, но оно уже меняло форму — из громкого и бурного превращалось в спокойное, вечернее. У лотков торговцы поти-

хоньку сворачивали свои ряды. Ткани ложились в аккуратные складки, коробки закрывались, амулеты исчезали с верёвок и перекочёвывали в мешки и шкатулки. Кто-то напоследок задерживался у прилавков, выбирая что-то на память, кто-то уже прощался, прижимая покупки к груди, а торговцы всё ещё улыбались, хотя усталость заметно смягчала их лица. Праздничная ярмарка не исчезала сразу — она словно складывалась сама в себя, становясь тише, меньше, домашнее. Игры тоже понемногу утихали. Детский смех ещё вспыхивал то тут, то там, но уже не так звонко, как прежде. Кольца, мешочки, костяшки — всё это собирали и убирали, пока последние участники не разбрелись к родным. Те, кто успел натанцеваться и набегаться, теперь стояли чуть поодаль, переводя дух и делясь последними впечатлениями. Даже в их усталости было что-то радостное, светлое — будто день удался, и это чувствовали все. Музыканты не спешили замолкать. Их мелодии ещё плыли над площадью, тёплые и негромкие, как последний отблеск праздника. Барабан бил уже медленнее, струнные звенели мягче, и танцы у края площади постепенно редели. Сначала уходили те, кто кружился просто ради веселья, потом — те, кто держался в кругу дольше всех, будто ещё надеясь поймать ускользающий ритм. Но музыка уже не звала в пляс, а скорее сопровождала расставание, бережно и спокойно. Эраен смотрел на площадь и видел, как она меняется прямо у него на глазах. Ещё недавно здесь всё искрилось движением, смехом, яркими пятнами одежды, а

теперь пространство между людьми становилось шире, и в нём всё отчётливее проступал вечер. Кто-то складывал коврики, кто-то тушил лампы, кто-то собирал остатки угощений. В воздухе ещё держались запахи еды, пыли, нагретого камня и праздника, который уже почти закончился, но всё ещё не хотел совсем отпускать.

После шумного официального вступления площадь постепенно сместила внимание к главному праздничному обряду. В самом центре открытого круга стояли тотемы — высокие каменные столбы, гладко обтёсанные и украшенные металлическими вставками. На каждом были выбиты символы четырёх сил: пума — знак камня и земли, орёл — знак ветра, скат — знак воды и саламандра — знак огня. Они возвышались над людьми неподвижно и строго, как древние свидетели, привыкшие принимать человеческие ладони одну за другой. По толпе прокатилось оживление. Кто-то уже всматривался в тотемы, пытаясь разглядеть, у кого из знаков сегодня появится отклик. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто первым подойдёт к тотему, а кто в этот раз наверняка получит более сильный ответ. Дети, не понимая всей важности обряда, всё равно притихли — даже они чувствовали, что сейчас площадь изменила настроение. На каждом тотеме символы едва заметно светились по границам своих изображений, словно откликались на близость людей мягким, почти скрытым сиянием. На первый взгляд они казались почти

неподвижными, но если смотреть внимательно, становилось заметно: каждый знак дышал по-своему. Пума, знак камня и земли, выглядела тяжёлой и надёжной, словно в самом камне жила память о клятвах и защите. Орёл на тотеме ветра был резким и стремительным, с расправленными линиями крыльев, будто готовым сорваться в небо в любой миг. Скат на знаке воды был плавным и почти текучим, его очертания напоминали о глубине, исцелении и тайне. Саламандра на тотеме огня казалась самой живой: её вытянутая форма словно хранила в себе жар, волю и очищающую силу пламени. Именно это больше всего нравилось людям. Они шли к тотемам с разными чувствами, но почти всегда — с надеждой. Кто-то хотел увидеть знак силы, кто-то — подтверждение своего дара, кто-то — хотя бы слабый отклик, чтобы не чувствовать себя лишним. В праздник это было важно почти для всех: тотемы не просто украшали площадь, они словно напоминали каждому, что место человека в мире подтверждается не словами, а ответом древнего знака.

— Ну же, кто первый? — крикнул кто-то из молодёжи.

— Давай ты! — ответили ему со смехом.

— Нет, лучше он, у него руки дрожат!

Толпа снова рассмеялась. И вскоре первый смельчак всё же вышел вперёд. Люди подходили к ним один за другим, а чаще — сразу по двое и по трое, смеясь, переговариваясь и не скрывая любопытства. Кто-то касался камня с осторожностью, будто боялся потревожить древнюю силу. Кто-

то, наоборот, хлопал ладонью по гладкой поверхности с напускной смелостью, ожидая, что тотем непременно ответит. Кто-то задерживал руку дольше положенного, будто надеялся, что знак проснётся не сразу, а после терпеливого ожидания. Но тотемы молчали. И именно это делало происходящее ещё более беспокойным. Толпа шумела всё громче. Кто-то смеялся, кто-то разочарованно отступал, кто-то тут же подталкивал следующего, уверяя, что «надо просто правильно прикоснуться». Праздничная церемония быстро переставала быть торжественной и всё больше походила на живую, беспорядочную возню, в которой каждый хотел попробовать себя на удачу. Рядом с тотемами уже стояли adeпты Ордена — в чёрно-серебряных мантиях, с ровными лицами и внимательными взглядами. Они следили за порядком, удерживали людей от излишней толкотни и время от времени делали короткие замечания тем, кто подходил слишком резко или пытался затянуть обряд в шутку. Их присутствие напоминало, что праздник оставался под властью Ордена, даже если толпа всё сильнее превращала его в шумное народное действо. Чуть поодаль, стараясь как можно сильнее раствориться в толпе и не привлекать к себе внимания, стояли наследники пределов. Они внимательно следили за происходящим. Эраен стоял среди наблюдателей и уже почти перестал всматриваться в сам ход обряда, когда заметил знакомые лица. Это были торговцы с площади — те самые, что утром добродушно угощали его, шутили за прилавками

и без устали зазывали прохожих. Теперь они оказались ближе к тотемам, в самой гуще желающих, и выглядели так, будто пришли сюда скорее из любопытства, чем из настоящей веры в отклик. Один из них что-то шутливо сказал, другой усмехнулся, третий покачал головой, а четвёртый, оглянувшись на товарищей, первым протянул руку к ближайшему тотему. Эраен невольно задержал на них взгляд. Не потому, что ожидал чего-то особенного от самих торговцев — скорее потому, что их поведение резко отличалось от общего праздничного настроения. Они держались непринуждённо, почти насмешливо, как люди, для которых всё это было в новинку и одновременно казалось чем-то слишком серьёзным, чтобы относиться к этому без улыбки.

— И это всё? — хмыкнул один из них, когда его ладонь скользнула по камню.

— Похоже, камень не в восторге, — отозвался другой.

— Может, он просто нас не любит, — бросил третий, и рядом тут же кто-то рассмеялся. Они трогали тотемы впере-мешку с остальными людьми, становясь частью общей толпы, и в этом шуме, смехе и праздничной суматохе сначала ничто не выделяло их особенно. Но потом Эраен заметил: с ними происходит что-то не такое, как с прочими. Сначала — в одном движении. Потом — в выражении лица. Потом — в том, как они одновременно замолчали, будто каждый на миг услышал что-то, чего не слышали остальные. Ни один из них не отшатнулся, не испугался, не начал торопливо уби-

рать руку. Напротив — их внимание словно стало глубже, собраннее. Веселье не исчезло, но уступило место чему-то более серьёзному, будто под обычной шуткой вдруг на мгновение проявилось скрытое напряжение. Эраен увидел это почти сразу. И потому продолжал смотреть именно на них.

Тут он заметил знакомую шумную компанию, приближавшихся людей. Это подходил Агнар к тотемам вместе со своей семьёй. Они шли в приподнятом настроении, смеялись, переговаривались и шумно вливаясь в праздничную суету, полную отдыха, игр и весёлого говора. Людей вокруг было много. Кто-то подходил к тотемам поодиночке, кто-то вместе с роднёй, кто-то задерживался у камней дольше, кто-то, наоборот, сразу отходил, уступая место следующим. Над площадью стоял шум: смех, голоса, споры, праздничный гомон, в котором терялись отдельные слова. Агнар с сыновьями поднялся к тотемам, и каждый из них по очереди касался разных камней, шутя и переговариваясь между собой. Один из сыновей первым дотронулся до ближайшего тотема и рассмеялся чему-то своему. Другой, оглянувшись на отца, бросил короткую шутку, и Агнар ответил ему с той же лёгкостью. Всё в их движениях было простым и праздничным. Потом Агнар подошёл к тотему огня. Он протянул руку к камню и коснулся его — и в этот миг что-то едва заметно дрогнуло внутри него. Символ на камне вспыхнул слабым светом. Агнар чуть отступил, и веселье медленно сошло с его лица. Рядом на мгновение стало тише. Сыновья сразу оказа-

лись ближе к нему: один шагнул вперёд, другой чуть сбоку, словно просто подхватывая его в общей тесноте праздника. Агнар убрал руку от камня и сделал шаг назад, не задерживаясь у тотема. Со стороны это выглядело почти как обычное движение среди праздничной толпы. Кто-то мог бы и не заметить, что произошло что-то особенное. Но один из адептов Ордена, стоявший неподалёку, всё же задержал взгляд на Агнаре. И среди наследников пределов тоже кто-то повернул голову в их сторону, заметив короткую заминку у огненного камня. Агнар с сыновьями отошёл в сторону, не привлекая к себе лишнего внимания. Праздничный шум вокруг продолжался, люди смеялись, переговаривались и двигались дальше к другим тотемам, а их маленькая семья уже растворялась в общей толпе, как будто просто решила освободить место следующим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.